

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!
Юлиан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

МИР ЗА НАШИМ ОКНОМ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 8. Мир за нашим окном**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 8. Мир за нашим окном / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-857-0

В восьмой том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова вошли его путевые заметки о поездке в Восточную Германию «12 дней в ГДР» и серия миниатюр рубрики «Окно в природу».

ББК 94

ISBN 978-5-87107-857-0

© Песков В. М.
© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	8
1970	10
Устроились...	10
Запас	13
Домашние дикари	16
Подозвать зверя	19
Точка зрения	21
Средняя полоса	23
Лесные находки	27
Доля секунды	32
Рыбалка в Африке	35
Красота	38
Потехи ради	43
Столкновение	45
Речка моего детства	47
Слушайте все...	56
На службе	59
Праздник на Кузнецком мосту	62
Время летит...	66
1971	69
Образы	71
Благодарность	74
Горсть зерен	82
Все ли открыто?	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Василий Песков
Полное собрание сочинений.
Том восьмой. Мир за
нашим окном. 1970–1971

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Одно из постоянных стремлений человека – познание жизни. Книга познания содержит много страниц, но прочитано в ней только начало. Стало быть, для понятия сущности жизни важно сохранить на земле все живое разнообразие.

Видеть весной косяк пролетающих журавлей; слышать пение соловьев, перепелки, кукушки; спугнуть невзначай лося в лесу и знать, что

где-то в Уссурийской тайге ходит живой, а не плюшевый тигр, – это великая радость жизни! За эту радость надо бороться, пока не поздно.
В. Песков

Предисловие

Этот том складывался просто и с отдельным интересом. Пролистав его, вы увидите – в основном это новеллы из рубрики Василия Михайловича Пескова «Окно в природу».

Я уже писал, что это самая знаменитая рубрика в «Комсомолке», да к тому же и самая долгоживущая, хотя автора ее уже нет с нами.

Придумал ее сам Василий Михайлович. Он об этом никогда особо не рассказывал, но в одной из его записей он вскользь упомянул: «Окно в природу» утвердилось в «Комсомольской правде» сразу. Началась рубрика с редких фотографий и обширных к ним подписей. А однажды я взялся поразмышлять о любви человека к природе, о счастье этой любви и получил отклик – сразу несколько сот писем. Я понял, как много людей чувства мои понимают и разделяют...»

Сперва он решил вести ее год, но почти не убавлялось. И он продлил еще на год, еще. И если вы обратите внимание на даты публикации его заметок, «Окно...» стало почти еженедельным, что для чисто авторской рубрики в те времена – большая редкость.

Интересно смотреть, как Василий Михайлович строил свои миниатюры. В газете это не так заметно, а вот в книге вы наверняка обратите внимание, что некоторые фотографии повторяются в разных по темам заметках. Василий Михайлович страстно увлекался фотографией, но все-таки даже у профессионального фотографа-анималиста не наберется, наверное, столько различных снимков, чтобы не повторяться годами.

Понятно, что и Песков столкнулся с этой проблемой. Но он придумал, как быть. Мастер, он и есть мастер. Даже если снимки и повторяются, они очень точно подобраны к теме очередного «Окна...». Фото волчат может быть и с рассказом, как устроено волчье логово, и – с миниатюрой о материнстве и нежности в мире животных. Верблюд может кочевать в очерках об Африке и – в рассказе о том, как с ним уживаются птицы-санитары. Это для Василия Михайловича было очень важно: показать, как разнообразна по ситуациям, мгновениям и загадкам природа.

А главное – помогал Пескову огромный архив. Как мы что-то коллекционируем (например, марки или пивные кружки), так он коллекционировал необычные и редкие фотографии из мира животных. Много, как вы поняли, ему присылали читатели «Комсомолки», он даже придумал как бы подрубрику к «Окну...» специально для таких карточек – «Пишем, что наблюдаем». Но многое Василий Михайлович вырезал из журналов, переснимал из книг о природе, фотоальбомов, в какой бы точке мира он ни увидел интересный кадр.

Он, кстати, и сам говорил об этом и даже сокрушался, что не всегда знал, кто автор снимка. Но уж если знал – непременно называл его в своей рубрике.

Именно поэтому вы увидите в подписи под материалами строчку: «...фото из архива В. Пескова». Этот архив жив, он сохранился. Большой, немного запутанный. И помогает нам сейчас, разбирая этот архив, внук Василия Михайловича Дмитрий Песков. Спасибо ему за это!

А то, что не сохранилось, мы перефотографировали из «Комсомолки» тех лет, так что извините за качество некоторых снимков.

И все это – в интересах нас, читателей. Попробуйте закрыть ладонью фотографии в «Окне в природу» и просто прочесть заметку. Да, она покажется вам интересной и любопытной.

А теперь уберите ладошку и перечитайте «Окно...» заново.

Почувствовали разницу?

Да, все те звери и птицы, рыбы и киты, жуки и стрекозы, о которых Василий Михайлович вам рассказал, – они становятся почти живыми. И приходят к вам такими, какими их увидел и сохранил для вас Василий Песков.

Встречайте этот забавный и интересный мир.

Андрей Дятлов,

заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1970

Устроились...

Окно в природу

Один из этих снимков сделан на улице Лондона. Полицейские терялись в догадках: отчего это желтый огонь светофора стал гореть тускло? Заглянули под козырек и обнаружили там... дрозда, сидящего на гнезде.

Не менее любопытный рассказ записал я два года назад в Харьковской области. «Сломался в борозде трактор. Нужной запасной части скоро добыть не могли, потом шли дожди. Вернулся я в поле, гляжу – в маленькой нише возле капота трясогузка свила гнездо и спокойно сидит на яйцах. Аккуратно заменяю деталь – птица сидит. Пахать начал – сидит. Пыль, грохот, запах бензина – сидит. Птенчики вывелись. Переехал на соседнее поле, и трясогузка за мной прилетела, кормит птенцов...»

Нечто подобное могут понаблюдать все, кто проезжает весной и летом через южную станцию Масис. Обычная станция: с лязгом железа, сплетением проводов, гудками электропоездов, человеческой суетой, огнями и прочими неудобствами. Но почему-то именно тут решили селиться аисты. И не одна пара. Десятки гнезд построено птицами на опорах и металлических переплетах электролиний. Каждую осень аисты улетают на юг, но обязательно возвращаются на свою станцию, занимают старые и строят новые гнезда, над бегущими поездами выводят птенцов. Удивительная картина!.. Но, по правде сказать, к близко живущему у домов аисту мы привыкли, мы знаем, что птица эта готова селиться на самом неожиданном месте.

Терпимость к технике с удивлением наблюдаешь и у других животных. Вот стайка диких кроликов сидит почти под колесами идущего на взлет воздушного великана. Зверьки спокойны. Я наблюдал: так же спокойно ведут себя лоси вблизи московских аэродромов.

Самолет пронесется низко над лесом, но звери и ухом не поведут. Спокойны лоси и вблизи автостреды. Но в это же время хрустнет у тебя под ногой ветка – сразу насторожились!

Любопытные снимки сделал я в Африке: слоны рядом с автомобилем, львы идут по проезжей дороге... Или вот еще характерный момент: прямо возле колес переходят шоссе молодые гепарды. Трудно сказать, чем бы кончилась встреча гепардов и пешего человека. Но машина... звери вполне уверены, что машину бояться не надо. С рождения гепарды видят автомобиль и считают его вполне уместным и дружелюбным соседом по жизни. Я видел в национальном парке Найроби, как старый гепард наблюдал пробегающих антилоп, а когда они скрылись в траве, прыгнул на стоящий автомобиль и стал наблюдать сверху...

Человек все меньше и меньше места оставляет на земле дикой природе. Но жизнь пластична. Мы видим, как живой организм привыкает к необычным условиям. Однако мы должны уберечься от ложного вывода, будто дикая жизнь под натиском человека во всех случаях сохранится. Нет. Чаще всего с разрушением среды, в которой тысячи лет обитало животное, гибель его неизбежна. Те же аисты в Западной Европе почти совершенно исчезли, потому что осушены были болота. Многие птицы (глухарь, например) не терпят «фактора беспокойства». Однажды спугнутая глухарка редко к гнезду возвращается. И потому так быстро переводятся глухари в тех местах, где человек постоянно присутствует.

Но вот другой пример. В нескольких странах Европы выжили и хорошо расплодились серые куропатки. Островками жизни для куропаток оказались гривы нераспаханной земли, которую люди сознательно оставляли между полями.

Как никогда раньше, нам важно знать сейчас, как ведет себя дикая жизнь под натиском человека. Мы должны предвидеть заранее, кто, каким образом может приспособиться к близкому соседству людей и для кого из животных надо оставлять «спасительные островки». Это одна из серьезных задач биологии. Но и каждый из нас пристальным наблюдением может внести крупицу пользы в познание мира, нас окружающего, и в сохранение его.

Фото из архива В. Пескова. 30 августа 1970 г.

Запас

Окно в природу

Зима – не тетка. И потому летом и осенью мы спешим сделать запасы: солим, сушим, варим варенье... То же самое происходит сейчас и в природе. Понаблюдайте осенью за поползнем и синицей. Пospели семена диких растений, и птицы целый день снуют по деревьям, прячут в щели коры запас. В зимнюю стужу они разыщут свои кладовые и так же вот, ерзая вниз и вверх по стволу, выберут из коры семена.

Поспеют желуди – заготовки начнутся у соек. В дупла, под опавшие листья, в муравейники спрячут сойки зимний запас. Можно удивляться умению птицы находить свои кладовые. Ровная пелена снега, но сойка уверенно прыгает с ветки, зарылась в снег... И вот уже полетела с желудем в клюве.

Кое-кому приходилось, наверное, видеть в лесу грибы, аккуратно наколотые на сучок. Это белка сушит грибы. Созреют орехи – белка начнет выбирать самые крупные, будет носить орехи в дупло, зароев в листья, спрячет где только можно, спрячет с избытком, потому что не все свои кладовые белка сумеет найти.

До ста килограммов зерна и корней запасает на зиму хомяк. Мешок зерна за щеками переносит грызун в подземную нору.

Но, пожалуй, больше всего забот в летнюю пору у маленьких, величиной с морскую свинку зверьков, сенокосов. В жаркое время сенокосы неутомимо косят и сушат траву. Стебелек к стебельку, и вот стоят на склоне горы маленькие стожки. В предчувствии дождя сенокосы укрывают стожки широкими листьями.

Бобры запасают и опускают под воду осиновые поленья. Лисы при избытке еды прячут в снегу мышей.

Все, кому предстоит пережить суровое время, запасаются продовольствием. Медведь, енот и барсук спят зимой. Но запас и у них есть. Эти звери держат запас под кожей. Прежде чем лечь и уснуть до весны, медведь и барсук усиленно кормятся, едят разнообразную пищу, чтобы вместе с жиром накопить вещества, нужные организму (именно потому барсучье и медвежье сало целебно). Если медведь за лето и осень не нагулял жиру – в берлогу он не ложится. Медведь становится шатуном. Такой зверь к весне, как правило, погибает.

Но еду иногда готовят и не к зиме, а впрок, на текущее время. Понаблюдайте за птицей сорокопутом. Лягушек, мышей и кузнечиков этот маленький хищник вялит, вешая на колючки...

Запас карман не трет.

Фото автора. 5 сентября 1970 г.

Домашние дикари

Окно в природу

В Хоперском заповеднике уже несколько лет борются с необычной напастью – в лесах расплодились одичавшие псы. Потомки кудлатых дворняжек стали опасней волков. Правда, домашний скот собаки не трогают. Они вообще держатся от человека подальше. Зато оленей и все живое преследуют круглый год.

Родословная этих разбойников восходит, как говорят, к добродушной дворняжке, помогавшей старику-сторожу в сопредельных с заповедником келлермановских дубняках охранять спиленный лес. Собака потеряла присмотр, стала добывать в лесу что могла: постепенно отбилась от рук и, оценившись в лесу, дала начало племени дикарей.

Дикая собака динго.

Надо сказать, случай этот не исключительный. На острове Беринга я записал историю, как стая одичавших собак истребила все поголовье оленей. Борьба с ними была бесплодной. Человека собаки хорошо знали и потому ловко уходили от выстрелов и ядовитых приманок. В охоте псы проявляли необычайную сметливость.

Есть и другие примеры возвращения животных к своему первобытному прошлому. Дикая собака динго – не исконный зверь Австралийского континента. Это всего лишь одичавшие псы, привезенные европейскими поселенцами.

Наследство прошлого в наших домашних друзьях пробуждается чаще, если дикие родичи живут где-нибудь близко. В Воронежском заповеднике к колхозным свиньям села Песковатки стал приходить дикий кабан. И что же, дикому кавалеру удалось сманить в лес восемь породистых белых хавроний. Недавно я узнал: на Кавказе такое общение – дело обычное. С лесных кордонов свиньи весной уходят и возвращаются осенью уже с поросятами. Полоски на боках поросят – верное доказательство, что отцом большого семейства является дикий кабан.

Легко дичают на вольных выпасах лошади. Американский мустанг – это не дикая лошадь. Это домашняя лошадь, одичавшая в прериях.

Вновь обретенную вольность животные стараются сохранить. Свиньи, правда, соблазненные хлебом и густосоленым пойлом, возвращаются к дому. Но вот какой случай рассказал натуралист Максим Дмитриевич Зверев о лошадях. «Дело было на западном берегу Каспия. Вернулись с войны солдаты. Хозяйство разлажено. Лошадей нет. Кто-то вспомнил: в тростниках живут лошади, одичавшие со времен царской войны с Шамилем. Решили изловить дикарей... Трое суток гонялись за табуном. Не удалось поймать ни одной лошади. Тогда пустились на хитрость: загонем пугнули лошадей в воду. На лодках людям удалось догнать и заарканить двух кобылиц. Целый день вели их к деревне. Зажатые между двух лошадей дикари лягались, кусались, покрывались хлопьями пены. В загоне лошади отказались от корма. Они бились о стены, стоило лишь подойти человеку... За неделю лошади неузнаваемо исхудали, с трудом поднимались. Охотники собрались на совет и решили лошадей выпустить. Двери конюшни открылись. Люди стояли в стороне, ждали: что будет? Сверкая белками глаз и скаля зубы, лошади боязливо прошли мимо домов. Почувяв свободу, они понеслись к тростникам...»

Одичавший домашний пес в Хоперском лесу.

Зов дикой природы проявляется иногда неожиданным образом. В деревне Зеленый Гай Курской области я сделал снимок строптивых кур. Вечерами, несмотря на январский мороз, хозяйка не могла загнать кур на насест. Все они дружно взлетали и ночевали на тополях. Как видно, именно так проводят ночь дикие предки наших хохлаток. И наследие прошлого временами дает о себе знать.

Фото В. Пескова и из архива автора. 13 сентября 1970 г.

Подозвать зверя

Окно в природу

Был пасмурный день в сентябре. В недвижимом воздухе стояла водяная мелкая пыль. Ярусы побуревших кустов, куртины деревьев и стена леса друг от друга отделялись белесой дымкой. То, что было поближе, густо чернело. Остальное только угадывалось и постепенно сливалось с хмарью. Было так тихо, что в промежутках между ударами редких капель по лопухам мы слышали, как по стволу елки с шорохом бегают поползень.

Безлюдье обостряет внимание, и я почувствовал: кто-то наблюдает за нами. Повернувшись, мы увидели лося. Нас разделяла полоса убранного поля. Лось не двигался. Мы тоже замерли. Так продолжалось минуты три. И тут я вспомнил, как егери в сентябре подзывают лосей. Я сделал ладони трубой: зажал пальцами ноздри и выдохнул стонущий горловой звук. Лось встрепенулся, поднял выше голову и, когда я позвал еще раз, выскочил из кустов на жнивье. Еще один звук – и лось кинулся к нам, но не прямо, а чуть в обход, чтобы скорее достигнуть крайних кустов. Много раз я видел лосей, но почему-то этот запомнился больше всего. Он был хорошо виден. Темное тело, казалось, плыло над белесой стерней. Длинные ноги несли огромного зверя.

Остановился лось сразу, как только пересек поле. Теперь его отделяли от нас шагов пятьдесят. Прежде чем позвать еще раз, мы отступили к деревьям. Я заставил спутника влезть на березу и почти сразу, уронив фотокамеру, кинулся вслед за приятелем. Озадаченный лось стоял шагах в десяти от березы. Потоптавшись, он отступил на старое место и стал поддавать головой мокрые ветки. Потом, видимо, чувствуя себя победителем, тихо двинулся в лес. Но стоило прыгнуть с березы и издать стонущий звук, как зверь опять был уже рядом...

Около часа мы дурачили лося. Мы отпускали его глубоко в лес, но три-четыре призывных звука – и зверь опять появлялся. На чистом месте возле березы он, конечно, хорошо различал нас, но жажда помериться силой с соперником все заглушала...

Существует много способов подзывать к себе птиц и зверей. Трубными звуками осенью подзывают оленей. Маленьким инструментом из полый гусиной кости скликают в поле под сетку перепелов. На манок хорошо идут рябчики. Искусным кряканьем заставляют сесть на воду селезней. Волков подзывают подвывкой. Есть способ охоты «на вабу» (вабить – значит звать голосом). Умнейший зверь волк, но тоже попадает в ловушку...

Легче всего подманить животных в пору любви. Призыв самки или голос соперника «лишает влюбленных рассудка». Но попробуйте подражать стуку дятла в лесу. Вы увидите, сейчас же появится пестрая птица. Она прилетела узнать: «Кто это смел посягнуть на мои охотничьи угодья?» Берестяным пищиком охотник, одетый в белый халат, подзывает на выстрел лису. Лиса пропустит мимо ушей множество звуков. Но писк мыши в голодное снежное время ее обязательно остановит. Я знал охотника, который подходил к сторожким тетеревам, кувыряясь и делая разного рода нелепые движения, – тетеревов держало на месте любопытство.

Способы подзывать к себе зверя известны людям давно. Среди охотников, натуралистов и пастухов я встречал подлинных чародеев. Василий Александрович Анохин в Хоперском заповеднике легко подзывает многих животных. Я видел, как он на спор поймал ночью сову, искусно подражая пisku и шороху мыши. В Риге живет талантливый натуралист, седой старик Карл Мартынович Григулис. Он созывает птиц дудочкой. Подражание так искусно, что птицы садятся человеку на плечи и даже на самую дудочку...

Фото автора. 19 сентября 1970 г.

Точка зрения

Окно в природу

Редчайший снимок... Дикий гусь приготовился спикировать в воду. Ему удобней пикировать, перевернувшись кверху ногами. Но не только в этом суть любопытного. Посмотрите, как держит гусь голову. Голова – «не кверху ногами»! Голову, чтобы не потерять ориентацию, птица держит привычным образом.

А вот другой снимок. Тут все наоборот. Птица (короткоухая сова) спокойно сидит на ветке, но голова у нее «кверху ногами». Известно, что совы – большие мастера крутить головой. Не меняя положения туловища, птица легко может увидеть, что происходит сзади. Но зачем ей надо вот так повернуть голову кверху клювом? Очевидно, объект, попавший на глаза птице, был таким интересным, что сова изучала его со всех точек зрения.

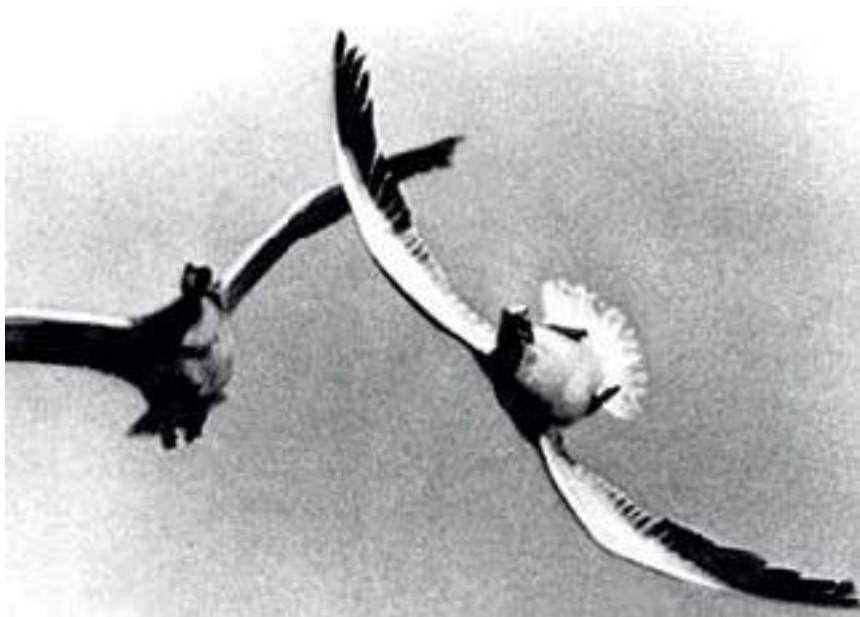

Фото из архива В. Пескова. 9 октября 1970 г.

Средняя полоса

Окно в природу

Старый вопрос к человеку, повидавшему землю: «Где лучше? Какое место красивее всех?» Есть на этот вопрос такой же старый ответ: «Хорошо там, где нас нет». В отговорке – полушутливой, полусерьезной – немало мудрости. Мест изумительных по красоте на земле много. Рассказ о семи чудесах света люди придумали, когда землю почти не знали. Сейчас любая из туристских компаний насчитает вам сотни чудес и подтвердит это цветными роскошными снимками. И чаще всего обмана нет, место и в самом деле ошеломляет тебя красотой.

Я не могу забыть, например, утра в заливе Халонг. По-вьетнамски Халонг – это залив утонувшего в море дракона. Торчащие из зеркально тихой воды зеленые скалы и в самом деле напоминают зубчатую спину затонувшего змея. Синяя дымка. Ни малейшего ветерка. Рыбачьи лодки с парусами на манер верхнего плавника рыбы тихо скользят между затонувшими скалами. Паруса пропитаны красным соком каких-то растений. Восходящее солнце добавляет им краски... Я часто вижу во сне это утро в заливе Халонг. Но я не осмелюсь сказать, что нет на земле уголка живописней, чем этот залив во Вьетнаме. Жизнь коротка, и человек даже при нынешних скоростях не способен увидеть и малой доли всего, что есть на земле, для того чтобы сравнивать.

И все-таки остается вопрос: «Какое место?...» Я и сам спрашивал разных людей. Но спрашивал так: «Какое место ты хотел бы увидеть в последний день жизни?» Никто не назвал ярких знаменитых точек земли. Желания были простыми: «родительский дом и сад», «горы перед восходом солнца... я помню их с детства», «речку с кувшинками», «степь... и по степи бегут лошади». Ответы почти одинаковы. Каждому особенно дорог тот уголок на земле, где рос, где стал человеком. И все-таки на вопрос о «лучшем месте на шарике» я всегда говорю: средняя полоса.

Рязанские поля и березы возле Оки, калужские и тульские перелески с тихой водой в маленьких речках, Подмосковье, владимирские проселки, земли тамбовские и воронежские, где леса иссякают и начинаются степи, это все в обиходе мы зовем средней полосой, имея в виду широкий пояс России, идущий с запада до Урала.

Я очень люблю этот пояс земли. Догадываюсь, что он так же хорош и по другую сторону глобуса – в Канаде и в северных землях Америки. И объяснения в этой любви должны быть понятны всем, кто сумел приглядеться к неброской, но тонкой красоте Средней России, до самых глубин понятой Левитаном, Нестеровым, Чайковским, Тютчевым, Фетом, Есениным, Паустовским.

Наклоном оси к плоскости круга, по которому шар Земли летит вокруг Солнца, мы обязаны своеобразной природе среднего пояса. В году мы знаем и длинную ночь, и длинные дни, когда они отделяются друг от друга только светом двух зорь. Мы знаем снег и сильный июльский зной. Каждый год мы видим зеленый дым зарождения жизни и желтое увядание. Одна из прелестей жизни – контрасты и перемены. После лесных блужданий и обедов под елкой с какой радостью садишься за стол с хрустящей крахмалом скатертью. Но проходит неделя, другая, и ты начинаешь думать о печеной в костре картошке. Летом мы ожидаем осень. Потом рады первому снегу, первым проталинам, первым цветам... Непрерывная цепь перемен.

Эту особенность нашей природы однажды я особенно остро понял и почувствовал. Это было в тропиках, в северной части Австралии. Несколько дней мы провели в городке Дарвин. Мне кажется, нет места скучнее и монотоннее на земле, чем эта суша, поросшая эвкалиптами. Солнце садится и поднимается тут всегда в одно время. Дни всегда одинаковы:

утром – солнце, к обеду – тучи, с вечера – ливень. И так круглый год. И все годы подряд. Влажная духота, удары океанской воды в ноздреватые скалы. Лес одинаковых, с беловатой корой деревьев. Показалось даже, и люди в маленьком городке были удручающе одинаковы – два человека в один вечер подошли к нам с вопросом, не собираем ли мы монеты и нет ли у нас монет для обмена. Потом я узнал: в этой части Австралии мало охотников жить. Якорь бросают тут неудачники или приплывшие из далекой Европы парни с единственной целью заработать тут денег...

Помню, долго не мог уснуть. Чужие слова выкрикивал попугай, скакавший в клетке над загородкой портье. И всю ночь непрерывно лил дождь. Мне показалось, что промежутков между струйками не было в этом дожде. Поднятая солнцем из океана вода сплошным потоком возвращалась на землю, чтобы завтра к полудню опять подняться тяжелыми душными облаками. Одноэтажный улей гостиницы дрожал от ударов воды. Я испытал в эту ночь приступ тоски, знакомой всем, кто надолго уезжает из дома. И в мельчайших подробностях вспомнил череду перемен, которую мы наблюдаем за год.

Я вдруг представил следы собаки на первом снегу и самого рыжего пса, с удивлением глядящего на белое вещество, покрывшее землю за одну ночь. Я вспомнил, что белый снег белым почти не бывает, он бывает то пепельным, то розовым, то почти синим, смотря по тому, каким в этот час было небо. Я вспомнил, что снег скрипит под ногами капустой и пахнет арбузом. Снег, снег. Короткие дни без теней. Копны сена, как две сахарные головы, на опушке. Цепочка лисьего следа...

Потом я вспомнил, какими ослепительно синими бывают лоскутки неба, когда дни начинают медленно прибавляться, как звенит прокаленный морозом снег, как потом каждая веточка и соринка солнечным светом утопляются в снег и как постепенно весь снежный мир становится синим. По крышам начинают путешествовать кошки, и у порога из крошечной лужицы, набежавшей с сосулеч, пьют воду куры. Живя в деревне, в это время я каждый год начинал делать новый скворечник. Эти хлопоты совпадали с радостной суматохой ожидания ледохода. И вот наконец кто-то первый услышал, как треснул лед. И все: молодые и старые устремились на мост. Плывут грязновато-сизые льдины. И какой-нибудь парень-сорвиголова на глазах восхищенных мальчишек и охваченных ужасом баб прыгает, собирает с перевернутых льдин рыбешку...

А разливы!.. Уже взрослым я первый раз увидел разлив на Оке. Настоящее море не поразило меня так же, как эта бескрайность талой воды. С бугра было видно, как по затопленной роще между стволами ветел и тополей плыла плоскодонка. На узеньком островке гоготали присевшие на ночлег дикие гуси. И только красные и зеленые огоньки бакенов отмечали в этом море воды затонувшую реку... Это же место возле деревни Копаново я увидел с бугра дней сорок спустя. Теперь разлив молодой зелени покрывал землю, и только кое-где сверкали зеркальца влаги. Мальчишка гнал хворостиной гусей. Около берега на веревке ходил красный теленок. И где-то сзади меня куковала кукушка.

Всю ночь на северной оконечности Австралийского материка шел дождь. Всю ночь я провел в полусне, стараясь не упустить нитку щемящих душу воспоминаний. Гром... У нас он, пожалуй, такой же. Вот точно такой удар одновременно со вспышкой света расколол однажды возле моей ноги небольшой камень. Было это в июне на Бородинском поле. Мы с другом, потрясенные, глядели на две половинки разбитого валуна, от которых шел дым. В тот день был ливень, отдаленно напоминающий этот вот, австралийский. Но сколько дождей, разных и непохожих, видел я там, у себя дома! У тех дождей даже названия есть: проливной, грибной, обложной, долгий осенний, зимний, от которого снег покрывается сверкающей коркой и на деревьях остаются ледяные прозрачные бусы... Град. Иней. Туманы и росы. Облака прозрачные, как тонкая пряжа, и тяжелые, как свинец. Изморозь, белой солью лежащая по утрам на траве. Зимний узор на окнах. Таких удивительных состояний воды

в природе не знает северный австралийский берег. Человеку, тут выросшему, неизвестно, что где-то есть июль с васильками, ромашками и желтизной хлебов. И что июль незаметно, совсем незаметно сменяется тихим задумчивым августом, когда все в природе вдруг умолкает, когда подсолнухи низко склоняют отяжелевшие головы и в садах фонарями светятся спелые яблоки, когда скворцы и ласточки собираются в стаи, а на берегах появляется едва заметная желтая проседь.

В Подмосковье есть у меня заветное место – лесная поляна вдали от дорог и тропинок. Я так и зову это место – «моя поляна». И уверен: никто лучше, чем я, не знает этого уголка на земле, заросшего по краям болиголовом, таволгой, ежевикой, а посередине просторного, солнечного, с хороводом ромашек и фиолетовых колокольчиков. Зимой поляна всегда истоптана зайцами и мышами. На молодом клене, вобрав голову в перья, морозными днями любят сидеть снегири. На ольховом кобле возле ручья весной почти всегда видишь сонного ужа и слышишь, как стонут весной над ручьем, трутся друг о друга сухая осина и наклоненная к ней береза.

Но особенно хороша на поляне ранняя осень. На рябину прилетают кормиться дрозды. В сухих листьях под ежевикой шуршат живущие тут ежи, и самое главное – осенью к этому месту приходят лоси. Я не сразу мог догадаться, почему под вечер вижу тут двух-трех лосей. Но однажды все объяснилось: лоси приходили пожевать яблок. Одним боком поляна упирается в заполненный рыжими бурьянами брошенный сад. Неизвестно кем и когда посаженный сад всеми забыт. Деревья в нем засохли и выродились. Плоды дают только растущие от корней дикие ветки. Охотников до нестерпимо кислых и мелких яблочек в лесу, кажется, не было. Но однажды, присев под вечер на краю сада, я услышал, как яблоки аппетитно хрустят на чьих-то зубах. Я приподнялся и увидел лосей. Один из лосей задирает голову и мягкой

губой захватывал яблоки. Другой собирал яблоки, лежащие на земле. Он подогнул передние высокие ноги и стал на колени... Такие картины память наша хранит, как лекарство на случай душевной усталости. Сколько раз после трудного дня я приходил в себя и, успокоенный, засыпал, стоило только закрыть глаза и вспомнить рябины со снующими в них дроздами, желтые бурьяны, запах грибов и двух лосей, жующих кислые яблоки...

Из городка Дарвин мы улетали утром, когда солнце только-только взялось на свой каждодневный труд по накоплению в небе воды. Мелькнул в круглом окошке желтоватый край чужого неуютного берега, и четыре сильных мотора понесли нас на север...

– Саша, подтверди, пожалуйста, что Земля – это шар, – попросил я, заглянув в закуток штурмана.

– Подтверждаю, – сказал штурман, не отрывая глаз от счетной линейки.

– А теперь скажи, Саша, какой наклон имеет земная ось? И не придет ли кому-нибудь в голову поставить ее поправее?..

– Слева по курсу через сорок минут покажется остров Суматра, потом будет Индия, через три дня будем дома, – понимающе подмигнул штурман.

Возвращение домой – очень хорошая часть в любом путешествии. Я сел подремать в кресле с приятной мыслью о волшебном наклоне оси, из-за которого есть на земле сенокосы и листопады, разливы рек, первый снег и первые ландыши. Из-за которого есть на земле волшебная средняя полоса.

Фото автора. 11 октября 1970 г.

Лесные находки

Окно в природу

Вы помните уговор: для «Окна» отбираем только по-настоящему интересные редкие снимки – любопытный момент в поведении животных, редкое явление, редкая встреча в природе.

Писем для нашей рубрики пришло много. Но, увы, снимки лишний раз убеждают: не на каждом шагу – находки, не всякий момент, схваченный фотокамерой, интересен широкому кругу людей. Очень много мы получили снимков с такими пометками: «Это моя собачка. Посмотрите, как выразительно она смотрит». «Портрет оленя, я с большим трудом снял его...» Согласитесь, друзья, снимок «просто собачки», сколько бы вы ни любили своего пса, и снимок «просто оленя», как бы много труда он ни стоил, чаще всего не содержит в себе сколько-нибудь новой информации. РЕДКОЕ, ИНТЕРЕСНОЕ, НЕОБЫЧНОЕ – это условие остается, если и в новом году мы решим оставить наше «Окно» в «Комсомолке».

А сейчас коротко о трех отобранных снимках... Осень была грибная, но, может быть, только Вале Новикову из подмосковной деревни Глухово попала в руки такая находка – «двухэтажный» гриб. Мальчик сообразил, что диковину интересно будет увидеть многим, и разыскал фотографа. Снимок для нас сделал Виктор Тюккель.

А медвежат на березе снял воронежский инженер Алексей Павлов. Весной он был на Урале и видел, как три медвежонка в мгновение ока оказались на дереве, на верхних тоненьких ветках. Опытные наблюдатели природы утверждают, что малыши-медвежата всегда ищут спасения на тоненьких ветках. Дело в том, что голодный папаша-медведь не щадит весной даже и медвежат. Но на тонкие ветки большому медведю никогда не забраться...

И, наконец, третий снимок. Его сделал лесничий Волжско-Камского заповедника Виталий Юхин. Согласитесь, не каждый из нас встречался в лесу с таким муравейником-великаном.

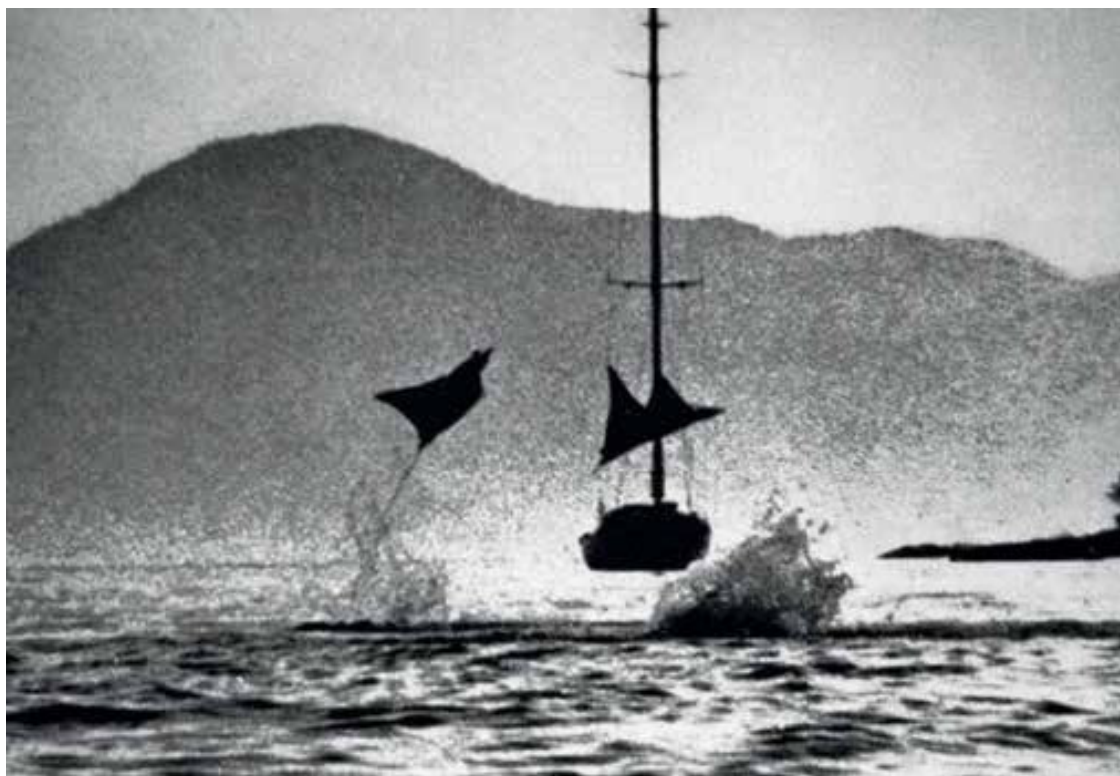
Фото из архива В. Пескова. 17 октября 1970 г.

Доля секунды

Окно в природу

Когда-то газеты выходили без иллюстраций. Сегодня хороший снимок с места событий способен заменить тысячу слов самых точных и самых ярких. Вот почему газеты идут иногда на большие затраты ради нужного снимка. Ради единого кадра репортера посылают, например, на Камчатку. Я сам летал с таким поручением и с ужасом думал: «Сколько же экземпляров газет надо продать, чтобы окупилась затрата на один только билет!» Но все окупается, потому что и видят снимок потом миллионы людей. Важно только, чтобы фотограф понимал меру своей ответственности и сделал максимально возможное. По этой причине хлеб фотографа-репортера – очень нелегкий хлеб.

Ценность снимка иногда окупает затраты и в миллионы рублей. Вы помните снимок Земли, сделанный с расстояния в девяносто тысяч километров? Мы увидели: да, Земля – это шар, несущийся в космосе. Такая съемка стоила многих денег и многих трудов. Но ведь и ценность снимка огромная! Подобные снимки формируют мировоззрение, утверждают философские истины...

Если теперь вернуться к обычным земным делам и спросить: какая из съемок наиболее трудная для фотографа? Я отвечу: съемка природы.

В поисках нужного кадра прилежный фотограф-анималист тратит иногда месяцы времени. И когда нужный момент наконец наступает, успеть надо в доли секунды.

Нам неизвестно, как были сделаны эти снимки, но это большая удача натуралистов. Возможно, фотографам повезло – счастливый случай должны караулить все, кто носит с собой фотокамеру. Но скорее всего эти кадры – результат большого терпения, большого желания запечатлеть яркий момент в жизни природы.

В съемке животных фотограф частенько выступает «организатором случая», например, выложит корм для оленей и кабанов и терпеливо ждет. Он знает: звери появятся в нужной точке. Эти же снимки предвидеть было нельзя. Никто не скажет, в каком месте орел выследит суслика и в какой точке моря вылетят на поверхность огромные скаты. Оказаться в нужный момент на месте и в нужную долю секунды спустить затвор... Такие снимки представляют для нас огромную ценность. Момент, увиденный одним человеком, становится достоянием многих людей, дает нам знания и волнующее зрелище. Посмотрите, как много рассказал об орле один снимок. Мы видим: вся мощь этой птицы сосредоточена в крыльях, в неожиданно длинных и сильных ногах. Мы знаем теперь, как легко уносит орел добычу, как работают на подъеме огромные крылья...

Эти снимки сделаны американскими фотографами-анималистами.

Фото из архива В. Пескова. 24 октября 1970 г.

Рыбалка в Африке

Окно в природу

После репортажей из заповедников Кении и Танзании я получил письмо, исполненное надежды: «А рыба? Удочкой... Неужели не попробовали?!»

Грешно было бы утаить этот день путешествия, когда мы, проснувшись в полночь, сели в автомобиль с удочками. Как и везде, рыба в Африке ловится лучше всего ранним утром, и потому мы очень спешили. Помню непролазный туман на дороге, незнакомые крики птиц, перевернутый ковшик Медведицы.

К озеру Найваша подъехали на рассвете. С воды не ушла еще ночь, но белые пеликаны, пролетавшие строем над озером, были облиты розовым светом. Лодочник-африканец грел руки над жаровней с углями. На воде, едва угадываясь, чистили перья утки и незнакомые голенастые птицы.

У африканского утра почти не бывает зари. Только что ощупью выбирали из земли червяков. И вот уже желтая лысина солнца показалась над болотистым берегом, и все кругом засверкало зеленью, синевой, золотистыми брызгами. Пеликаны опускались на озеро, распластав крылья, и, смешно вытянув ноги-шасси, гасили о воду скорость.

Скрипят две лодки. Мы разделились. В одной сидят спиннингисты, в другой – поплавочники. Вода прозрачная, теплая. Со дна поднимаются водоросли, похожие на гибкие елочки. На воде – точь-в-точь как наши – кувшинки с круглыми листьями, только цветы на них фиолетовые.

Святая минута. Сажаю на крюк тонкого желтоватого червяка и с надеждой кидаю снасть в окошко между кувшинками... Выясняется, что особых сюрпризов ждать нам не следует. В местных озерах водятся две только рыбы: **баситилапия**. Никакой мелочи, никаких тебе верхоплавов, пескарей и плотвы, которыми можно утешиться, если серьезная рыба не ловится.

Рыбу бас будут ловить спиннингисты. Это хищник (по словарям – окунь), завезенный в Африку из Америки. Я же на червяка буду ловить тилапию – исконную африканскую рыбу, черную, некрасивую, но будто бы очень вкусную. Наблюдая за поплавком, вспоминаю, что тилапия – та самая рыба, которая широко раскрывает рот и при опасности прячет в него мальков...

Клева, однако, нет. Стайки тилапий держатся возле берега. Приподнявшись, я вижу, как пузырится вода и темнеют черные спины небольших рыб. У спиннингистов дела идут лучше. Уже два баса трепыхаются в лодке, и вот, кажется, третий дугой согнул удилище. Большая сильная рыба нырнула под лодку. Суета. Крики: «Сачок! Сачок!..» Все в порядке. Рыбина килограмма в три весом шевелится в сачке.

А мои тилапии даже не нюхают червяка. Меняю места – пристаю к торчащим из воды пням, к черным суховатым корягам. Невзначай за корягу тут можно принять задремавшего бегемота. Но сейчас бегемоты откочевали в другую часть озера, и можно плавать не опасаясь. Нет, не клюют черные рыбы! Мне остается наблюдать, как ловят тилапию пеликаны. Хлопая крыльями, пеликаны гонят рыбу в заливы, на мелководье и там набивают висащие под клювом кожистые мешки. Поохотившись вволю, птицы садятся на коряги и распускают в стороны крылья – сушатся.

Жарко. Дремлет на воде поплавок. Дремлется рыбаку. От нечего делать начинаю в бинокль осматривать берега. По песочку ходят фламинго и цапли. Подбежал на отмель длинноногий взъерошенный гепард. Прежде чем лечь у воды, желтая кошка сладко зевнула, огляделась и потом, касаясь воды одним языком, стала пить.

Одну тилапию размером чуть больше ладони я все-таки изловил. Серовато-черная, чем-то похожая на камбалу рыба заглотила крючок, подобно тому, как это делают наши окуни и ерши. Но сколько потом ни бросал удочку, сколько ни менял червяка, поклевки не было. Зато басов спиннингисты поймали семнадцать штук. Крупным был только один. Остальные потянули бы граммов по четыреста. Окраской этот американский окунь походит на нашего судака, но покороче, поголовастей.

А вечером рыба была на столе. Есть такой способ готовить рыбу – рыба в фольге. Попробуйте этот способ. И вы узнаете, почему в тот вечер от большого и четырех басов поменьше остались одни только кости.

Фото В. Пескова и из архива автора. 31 октября 1970 г.

Красота

Окно в природу

Два снимка сделаны в Африке, третий у нас, под Курском. Вы видите венценосного журавля, антилопу геренук и двух аистов, перед отлетом навестивших свое гнездо. О повадках этих животных можно рассказать много. Я видел, как журавли кружились в любовном танце, видел, как антилопы спасались от хищника и как мирно паслись потом, поднимаясь вот так, на задние ноги, чтобы сорвать нежные верхние листья.

Сегодня я хочу обратить внимание на красоту этих животных. Разве можно не любоваться удивительным убранством африканского журавля! Вдобавок к своей осанке и мягкой гармоничной расцветке перьев эти птицы носят корону из тончайших золотистого цвета иголок. А посмотрите на антилопу... Природа, кажется, превзошла все возможности, создавая это хрупкое, грациозное существо. Антилопа как будто создана для того, чтобы ею, не отрывая глаз, любовались.

Но эти снимки – всего лишь три примера бесконечного ряда творений природы, отмеченных удивительной красотой. Вспомните петуха на вашем дворе и его огненную расцветку. Вспомните ласточку, сидящую на проводах, свиристелей и снегирей на заснеженных ветках. Вспомните красную шапку гриба мухомора и живое красное зернышко с названием «божья коровка». Цветы, пестрые бабочки, морские звезды, раковины, удивительный пестрый орнамент на гибком теле змеи... Продолжать можно было бы бесконечно.

Человек – наиболее искушенное в восприятии красоты существо на земле. Его чувства отзываются на многое, к чему природа, возможно, и равнодушна. Но вряд ли надо считать, что только человеческий взгляд способна остановить красота. Закон эволюции, совершенствуя все живое, не забывает и красоту. Формы, звуки и краски, причудливо сочетаясь, служат в живой природе средством привлечь к себе, расположить, предупредить, напугать. Хаос этим целям служить не может. Вот почему, совершенствуясь непрерывно, природа совершенствует формы, совершенствует звуки и краски.

Человек и сам способен творить красоту. Но спросите любого художника, и он вам скажет: истоки всего прекрасного лежат в природе, в ней надо искать критерий вкуса. Обращение к природе всегда помогает обнаружить подделки под красоту. Ибо красиво то, что естественно.

Фото В. Пескова и из архива автора. 7 ноября 1970 г.

Потехи ради

Окно в природу

«Миша, а ну покажи, как мальчишки горох воруют...» И медведь на потеху толпе показывал, как воруют горох, как ходят пьяные из шинка... Это картинка из русского быта.

Наверное, еще с пещерных времен человек для потехи себе приспособил животных. До сих пор люди с удовольствием смотрят на бои петухов. Петухов для этого специально готовят, а во время боя страсти так разгораются, что бой петухов нередко кончается драками у людей. У нас в Средней Азии есть любители поглядеть, как забивают друг друга перепела. Есть любители тараканьих бегов, состязания бойцовых рыбок и лошадиных скачек. В Индии я видел людей, которые носят с собой два мешка. В одном змеи, в другом – мангуста, зверек чуть более крысы. За небольшую плату прямо на улице учиняется схватка непримиримых врагов. Всегда побеждает мангуста, поэтому змей для потехи ловить надо много.

Иногда зрелища ради в схватке с животными участвует человек. Просвещенные римляне в числе прекрасных дворцов и памятников оставили нам Колизей. В древнем цирке на потеху ревушей толпе люди бились насмерть друг с другом или оставались один на один с разъяренными львами... До наших дней в Испании дожила опоэтизированная схватка человека с быком, человек тут рискует, но, если он ловок, жертвой становится бык, а человек, воткнув в животное шпагу, слышит восторженный рев толпы.

Фантазия наша неисчерпаема. Зная повадки и возможности многих зверей, человек научил слона стоять на одной ноге вниз головою, заставил тигра прыгать через горящий обруч...

А вот новинка: в Америке появились наездники на страусах. Большая птица не только держит на себе человека, но и мчится с хорошей скоростью по дорожке (рекорд – 65 километров в час). Но наездники сетуют: «Седла нет, уздечки нет, управлять бегунами надо при помощи перьев». Вдобавок ко всему страус – птица капризная, «вдруг поворачивает и бежит в противоположную сторону...»

Фото из архива В. Пескова. 15 ноября 1970 г.

Столкновение

Окно в природу

Раньше этого не было. От повозки, с какой бы скоростью ни тянули ее лошади, ослик или верблюд, дикий зверь всегда успевал увернуться. При нынешних скоростях столкновения – явление частое. Вы замечали, конечно, как бьются о ветровое стекло и растекаются желтым прозрачным пятнышком пчелы. Иногда такая же участь постигает и маленьких птиц.

Даже для самых крупных животных столкновение с автомобилем или поездом почти всегда кончается катастрофой. Вот посмотрите два снимка из Африки. Носорог, трусцой перебежавший шоссе, был насмерть сражен проезжавшим со скоростью сто километров автомобилем. А на железной дороге, идущей параллельно тому же шоссе, поезд врезался в стадо слонов. В обоих случаях люди не пострадали.

В Африке жертвами столкновений часто становятся буйволы, жирафы и даже быстроногие страусы. По этой причине в местах перехода зверей шоссе огорожены сетками, а в заповедниках, где плотность животных особенно велика, на дорогах сделаны валики – хочешь не хочешь, а будешь ехать небыстро.

В воздухе тоже случаются столкновения. Любая крупинка жизни, встретившись с самолетом, обречена. Но при больших скоростях становится уязвимым и сам летательный аппарат. Помню, во время съемки Останкинской телебашни я заметил, как летчики тревожно переглянулись. Опустившись на землю, они стали осматривать лопасти вертолета. На конце одной была обнаружена вмятина, птичьи перья и кровь. Один из стрижей, успевших поселиться на башне, попал под винт. Двадцати граммов веса небольшой птицы было достаточно, чтобы в машине почувствовали удар. А представьте: самолет врезался в стаю гусей...

Птица весом в три килограмма ударяет по самолету с силой ядра. Именно при такой ситуации погиб в Африке немецкий зоолог Михаэль Гржимек. В самолет врезался гриф. В результате – вмятина на крыле, повреждение тяги рулей, катастрофа.

На земле, если быть осторожным, столкновений можно почти всегда избежать. Но бывают моменты – само животное, будучи раздраженным, переходит в атаку. Наш вездеход в заповеднике Нгоронгоро атаковал носорог. Мы отделались легким испугом. Но вот посмотрите, что может случиться с автомобилем, когда в атаку идут слоны. Подобное редко, но все же бывает.

Фото из архива В. Пескова. 28 ноября 1970 г.

Речка моего детства

Окно в природу

Нынешней осенью я исполнил давнее обещание, данное самому себе: прошел от истоков до устья по речке, на которой я выросал.

В наш век все поддается учету. Подсчитали и реки. Их в стране, кажется, двести пятьдесят тысяч. Усманка обязательно попала в это число, хотя речка она и маленькая.

Для меня эта речка была первой и едва ли не главной жизненной школой. Если б спросили: что всего более в детстве помогало тебе узнавать мир? Я бы ответил: речка.

Мать говорит, что в год, когда я родился, заросли тальников, ольхи и черемухи подходили с реки к нашему дому, хотя дом стоял от воды почти в километре. В зарослях находили приют соловьи. Соловьиная трель по ночам была такой громкой, что приходилось закрывать окна, иначе спавший в подвешенной к потолку люльке младенец вздрагивал и ревел... Я соловьев возле дома уже не помню. Но дорожки к реке в поредевших зарослях лозняка, перевитого хмелем, в памяти сохранились. Лет в пять, замирая от страха, я осилил такую дорожку. И с того лета речка для меня стала самым желанным местом.

Плывать мы, жившие у реки ребяташки, учились так же естественно, как учатся в детстве ходить. Так же само собой приходило умение владеть веслом, переплывать плес, держась за лошадиную гриву. В какой-то момент мальчишка одолевал страх и прыгал, как все, вниз головой с высоких перил моста, пробегал на коньках по первому льду, который прогибается и трещит. Каждый человек должен иметь в своем детстве эти уроки. И у каждого из нас они были.

А сколько радостей и открытий давала в детстве рыбалка! Рыболовами у реки становятся рано. Помню: ловля вначале велась подолом рубахи, потом старым мешком, потом удочкой на крючок, добытый у «лохмотника» за охапку костей и тряпок. Лет в десять на чердаке я обнаружил свою плетенную из хвороста колыбельку, и мы с приятелем стали владельцами снасти под названием «топтуха». На мелких местах двое мальчишек тихонько подводят к берегу снасть и начинают топтать, шелюхат ногами в кустах и осоке. Вынешь «топтуху», в ней – щуренок или налим, язи, окуньки, пучеглазые раки. Окоченев от лазанья по воде, мы грели животы на песке и опять лезли «топтать».

С «топтухой» мы уходили далеко вверх и вниз по течению Усманки, и только теперь по-настоящему я могу оценить, сколь много дарил нам каждый день этих речных хождений.

Мы находили в пойме утиные гнезда, видели, как кидается в воду, вытянув когти, большая птица скопа, замечали, как невидимкой бегают по траве коростель, как, притаившись на одной ноге, терпеливо поджидает лягушек цапля. Мы находили бобровые норы, знали, на каких плесах в осоке дремали большие шуки, научились руками в норах ловить налимов и раков.

Сама речка, таинственно текущая издалека и уходившая по осокам и лознякам неизвестно куда, будоражила любопытство. Откуда, зачем и куда плывет задумчивая вода? Перебрав по пальцам знакомые села, я обнаружил: они все стоят на реке. В десять лет я думал, что это река, делая бесконечные петли и повороты, считала нужным пройти как раз у села. Лет в тринадцать я понял: не вода к людям, а люди тянулись к воде, вся жизнь ютилась возле воды. Возле воды по лугам бродили коровы, к реке на ночь выгоняли пасти лошадей, в июне косари валили над Усманкой травы, к реке шли с ведрами за водой, к реке несли полоскать белье, у реки по вечерам деревенские девки собирались петь песни, по берегам в чаплыгах ходили два сельских охотника Усанок и Самоха, с реки зимою на маслобойню возили в санях прозрачно-синие глыбы льда. Купание летом, костры на берегах осенью, плавание в лодке по весеннему половодью... Только теперь понимаешь, сколько радости дает человеку великое чудо – река, пусть даже маленькая.

Кажется, в книжке для третьего класса я прочитал рассказ «Откуда течет Серебрянка» – рассказ о том, как мальчишки решили узнать, откуда течет их речка. Я тогда еще думал: хорошо бы и нам по Усманке... Но прошло тридцать лет. И нынешней осенью вдруг я почувствовал: со старым другом надо увидеться.

Перед поездкой два вечера я просидел в Исторической библиотеке, задавшись простым вопросом: а что известно людям о маленькой речке? Оказалось, известно, и даже немало.

Первым в бумагах речку упомянул русский посол Михаил Алексеев, ехавший из Турции на санях (1514 год): «Бог донес до Усманцы по здраву». Другими словами, ничего с послом на опасном пути не случилось, а доехав до Усманки, посол почувствовал себя уже дома, хотя до Москвы было еще пятьсот с лишним верст. В то время по Усманке проходил юго-восточный край Русского государства. Степь, лежавшая за рекой, называлась Ногайской степью. Из нее на русские села ногайцы совершали набеги: уносили имущество, брали

скот, на веревках, привязав к седлу, уводили невольников. При царе Алексее Михайловиче решено было оградить государство от татарских набегов. Двадцать лет строилась знаменитая Белгородская черта – высокий земляной вал, деревянные надолбы и деревянные крепости-городки. На этой черте, тянувшейся лесостепью из-под Тамбова на юг, Усманка была естественным рубежом, через который татарам непросто было прорваться. Сама река, лес на ней, болота и топи были преодолимы только на «перелазах». Вот тут в уязвимых местах на пустынной «богатой рыбными и бортными угодьями речке» русский царь велел построить крепости-городки.

1646 год. На Усманке против «татарского перелаза» строится городок с названием Орлов. «За год двести тридцать драгун – Кирюшка Бучнев и Савка Коноплин со товарищи построили город». Читая эти строчки в пожелтевших бумагах, я волновался. Я вспомнил, что в пятом классе сидел за одной партой с Ваней Бучневым и был в нашем классе отчаянный двоечник Коноплин Петька. Наверняка это были потомки тех самых «драгун», рубивших крепость на берегу Усманки в 1646 году. Наверняка те самые двести тридцать служилых людей дали начало распространенным в нынешнем Орлове фамилиям Солодовниковых, Песковых, Прибытковых...

Жизнь моих сельских пращуров была беспокойной. Леса, земли и воды было тут много, но каждый час ждали набегов. Сторожевым постам, выступавшим за Усманку в «дикую степь», воевода предписывал: «Два раза кашу на одном месте не варить. Там, где обедал, – не ужинать. Там, где ужинал, – не ночевать». Одним словом, глаз да глаз нужен был на границе, проходившей по Усманке. Орлову городку надлежало охранять по реке линию в двадцать восемь верст. Это как раз те места, где я мальчишкой ловил налимов и раков.

Еще я узнал, что Усманка – это значит Красивая. Она оказалась почти единственной речкой в нашей стране, где к двадцатым годам этого века сохранились бобры и где расположен сегодня Воронежский заповедник.

Усманка течет с севера к югу, а потом делает петлю и течет назад с юга на север. Длина реки – сто пятьдесят километров. Эти сто пятьдесят километров мне с посошком и предстояло пройти.

Начало реки... Для меня всегда это было притягательной тайной.

Началом Усманки я ожидал увидеть родник (думал: напьюсь незамутненной воды и пойду), но я ошибся. Истока речки долго не мог найти. Наконец общим усилием пастуха, двух стариков и молодого шофера место рождения Усманки было предположительно найдено. Между деревнями Московкой и Безымянкой лежит понижение, когда-то непроходимое из-за топей, зарослей тальников, камышей, ветел, березняков и осинников. Из этого «потного места», «кишевшего куликами и утками», тихо и незаметно утекал ручеек, названия которому тут не знали. Теперь «потное место» было сухим. Несколько одиноких ветел росло между полями подсолнухов и пшеницы. Хорошо приглядевшись, можно было заметить что-то вроде ложбинки. Простившись со стариками, я и пошел почти незаметным руслом. И только к вечеру в гриве осоки и почерневшей таволги увидел зеркальце чистой воды.

С этого места русло я уже не мог потерять – оно обозначено было по полю полоской высокой травы. Русло без мостков и каких-нибудь насыпей пересекали полевые дороги.

– Это Усманка? – спросил я шофера, гнавшего по дороге машину-цистерну.

– Усманка, – сказал парень.

– А что везете?

– Воду везу на ферму со скважины. Речка у нас вон какая теперь...

Речка была без воды. В любом месте полоску трав можно было пройти, не замочив ноги. На несколько километров – сухая степь, и в ней травяной призрак реки...

Первую ночь я провел в стогу пшеничной соломы. «Гостиница» эта кишела мышами. Мыши возились и шуршали около уха. Но было тепло и уютно. Светила большая луна. Сине-

вато блестела роса по озими. В «ногайской степи» за речкой двигался огонек трактора. Сова, привлеченная писком мышей, несколько раз неслышно пролетала у лаза в мою ночлежку...

А потом было девять дней путешествия. Я увидел, как в травах все чаще и чаще сверкала вода. По руслу тянулась цепочка мелких болотцев и озерков. Появились кусты лозняка, камыши, одинокие ольхи, кусты калины и ветлы. Протиснувшись в одном месте сквозь заросли, я в первый раз увидел в светлой воде маленьких рыбок. Река понемногу, постепенно и тайно набухала в зарослях родниковой водой. Но вода все еще не текла. Спичечный коробок, кинутый в светлую лужицу, так и остался на месте. На буграх по-над поймой белели в лозниках старые села: Стрельцы, Пушкари, Сторожевое. Под селом Красным я присел закутить, наблюдая за мальчиком с удочкой. И тут в первый раз услышал журчание. Я подошел к мостику для полоскания белья и увидел: поплавок на удочке у мальчишки медленно тянет течение. А в узком рукаве между камышами вода журчала и маленькой силой своей качала одиноко стоящую камышинку.

Так зарождалась речка. Текла она, как все равнинные воды, извилисто, то разливаясь неширокими плесами, то ручейком, по которому проплыл бы только бумажный кораблик. Встречаясь с людьми, я заводил разговор о реке. И все до единого разговоры кончались невелико: речка меняется. «Вот с этой ветлы перед самой войной мы прыгали вниз головой, лет пять назад можно было еще купаться. А сейчас – тапочки не замочишь...»

За городком Усманью речка делает поворот и прячется от людей в лес. Попытавшись двигаться поймой, я понял, что в этом месте Усманка превращается в Амазонку: непролазные чащи крапивы, ольшаника, топи, заросшие лозняками, болиголовом, крест-накрест лежат осины, срезанные бобрами, – не то что пришлый татарин когда-то, но и здешние люди сегодня не рискнут перейти Усманку в этих местах. Лесными дорогами, оставляя речку по правой руке, я прошел до знакомых кордонов, и тут, взяв лодку, мы с приятелем двигались уже водным путем.

Для лодки и тут, в заповеднике, река во многих местах непролазна, она заросла, заболотилась, обмелела. Но сердце у меня притихло от радости, когда уже в сумерках лодка выбралась на широкие плесы. Нигде в другом месте я не видел более тихой воды. Черные ольхи и зеленые ивы отражались в красноватом вечернем зеркале. Речка разрезала тут знаменитый Усманский бор. И вся жизнь заповедного леса тянулась сюда, к берегам. Пронесся, едва не чиркая крыльями воду, и сел на упругую ветку голубой зимородок. Козодой летал, почти касаясь крыльями лодки. В кустах за вывороченным половодьем ольховым коблом кто-то топтался и чавкал. Не слышно опуская весло, мы подплыли вплотную и замерли. В двух метрах от лодки кормилась семья кабанов. Протянув весло, я мог бы достать темневшую из травы спину беспечного годовалого поросенка...

Три часа не спеша мы плыли по вечерней реке. Две стены черного леса, а между ними – полоса неба вверху и те же звезды, повторенные сонной водой, внизу. На повороте у камышей бобр ударил хвостом так близко, что окатил сидевшего на носу лодки брызгами. В глубине леса ревел олень. Ему отзывался второй от реки. На берегу, как залетные пули, прошивали кроны дубов и тяжело падали в темноту желуди. Иногда желудь срывался в воду, и тогда казалось: не с дерева, а с самого неба падало что-то в реку.

При свете фонарика я записал в дневнике: «Заповедные плесы. Счастливый день. Все было почти как в детстве...» Я не знал, что завтра и послезавтра будут у меня грустные дни.

А началось все сразу за воротами заповедника. Вода кончалась насыпной плотинкой, и стало ясно: не будь плотины, плесов бы не было. Всего, что собирает Усманка в верхнем течении и в заповедных лесах, едва-едва хватало для сохранения старых бобровых плесов. А ниже плотины лежал сухой и черный каньон. Берега с обнаженными корневищами пней, с налимьими норами и всем, что составляло когда-то тайну реки, теперь были сухими и пыльными. Ключик посредине песчаного дна был таким мелким, что красногрудая птичка, при-

летевшая искупаться, едва замочила лапки. Но плотина была нужна заповеднику. Я вспомнил: и раньше хорошую воду на малых равнинных реках держали мельничными запрудами (на Усманке их было, кажется, девять). Но через слив у плотины всегда бежал избыток воды, и, главное, на всем течении речку питали подземные родники, прибрежные бочаги и болотца, ручьи, бежавшие из лесков и с мокрых лугов. Теперь тощая Усманка, выбегавшая из леса в открытую солнцу и ветру степь, ничем не питалась...

Около сорока километров прошел я почти умиравшей рекой. Это были знакомые с детства места, знакомые села: Приваловка, Желдаевка, Енино, Лукичевка, Углянец. В тех местах, где были когда-то лески и нависавшие над водой лозняки, не было теперь ни единого кустика, ни единого деревца. Лугов тоже почти не осталось. Пашня подходила местами до самой воды. Местами побуревшая пашня была брошена, на ней качались чертополохи и малиновым цветом маячил колючий татарник. Ни одной мочажины, ни единого ключика не текло в реку. Местами можно было только угадывать руслице пересохших ручьев. Река, прежде кудрявая от растений и таинственная оттого, что в воде все повторялось как в зеркале, теперь лежала раздетой и незащитной. Берега, обозначавшие прежнее русло, теперь заполнены были смытым песком. И только посредине песчаной реки текла вода, местами такая мелкая, что были видны спины у пескарей, убежавших от моей тени...

Особенно грустным был час, когда я дошел наконец к местам особенно мне дорогим. Вот бережок, на котором я любил сидеть с удочкой. Теперь от него до воды по песку шагов сорок. Вот «Селявкина яма». Двое мальчишек, закатав штаны, возились у берега. С этого берега я прыгал вниз головой, а на середине плеса «не было дна». Я попросил мальчонку дойти к середине реки. Мальчик прошел через плес – и везде воды ему было ниже колен. В помине не было заводей с кругами зеленых кувшинок, с осокой и тальниками, с бело-розовым цветом куриной слепоты. Вон там, где проходит теперь дорога, был мостик, с которого полоскали белье, за ним было «девичье куплище», где утонул не умевший плавать юркий нищий.

Не было у реки теперь луга, опушенного лозняком и ракетами, луга, где на моей памяти мальчишки пасли лошадей, где вызревали богатые сенокосы, где в топких местах водились утки и чибисы, где в самом начале лета «на троицу» собирались повеселиться несколько тысяч людей из села Красиного, из Орлова, из Горок. Теперь луга были вспаханы. И остаток зеленого лоскутка исчезал у меня на глазах. По-над берегом взад-вперед ходил голубой трактор с плугом. Пыль бурым холстом повисала в том месте, где обычно по осени лежали туманы...

Не стану перечислять всех людей, с которыми пришлось говорить в эти дни. Единственно все сокрушалось: «Да, река...» Но отчего? Кое-кто помоложе пожимал плечами: «Не поймем. Сохнет, и все...»

В деревне Енино я полдня посидел с Павлом Федоровичем Ениным. Старика я встретил на берегу. Он сидел, опершись на палку, и вел разговор с бабами, доившими коров по другую сторону речки.

Старику было девяносто два года. Но только ноги отказались ему служить (внук Мишка приводит деда к реке). Голова у этого, наверно, самого древнего человека на Усманке в полной исправности. Мысли ясные, а редкой памяти я позавидовал. Старик во многих подробностях, с именами друзей, погибших и выживших, рассказал о войне в Порт-Артуре, где он отличился. Я услышал, как тут, возле речки, в июне 1903 года за самовольный покос монастырского луга пороли енинских мужиков. «Сам губернатор с войсками приезжал из Воронежа руководить поркой». Старик помнил не только имена мужиков, но также и количество плеток, «определенных для каждого доктором». Старик вспомнил, как держался каждый из тех, кому задирали рубаху и клали книзу лицом. «Митроха Акиншин показал кулак губернатору: я, ваше превосходительство, так могу стукнуть – кости не соберете... Ему,

Митрохе, больше всех и досталось. А Иван Бородин сам лег. Братцы, говорит, не робейте. Земли наберите в рот, чтобы крику бабы не услышали»...

За «хужалость и опытность» в двадцатых годах Павла Федоровича выбирали первым председателем в Орловский сельский совет. Но главным и любимым делом, о котором старик вспоминал с удовольствием, была мельница. «Она помещалась как раз вот тут, где сидим... А там, где бабы с ведрами переходят, была плотина. Каждое лето плотину всем миром строили. Я мельником был...»

Усманку Павел Федорович знал хорошо. И когда зашел разговор о переменах на речке, сказал:

«Без причины, сынок, и прыщик не вскочит. Всему есть причина. Вон, видишь, синее пустошь? Там был лесок. Его срубили. Далее под Углянцем лес подходил к самой речке. Тоже частично срубили. Под Орловом хороший осинник и березняк рос. Срубили. Около Горок ольшаники были. От них остался маленький лоскуток. Вот уж совсем недавно тут у нас около Забугорья ольховый лесок свели.

Рубить начали, помню, в 14-м году. Рубили воровски, считая, что рубим «не наше», а чье-то чужое. Орловский лесок свели в 23-м хавские мужики. Считали: «Теперь это наше, можно распоряжаться». В войну беда заставляла рубить. Солдаты рубили, чтобы мосты навести, вдовы рубили – детей обогреть. Позже, считаю, рубили просто по глупости – все, что росло над рекой, было как бы ничейное. Срубили лески, срубили до хворостинки и потравили коровами лозняки. Вот и раздели речку до основания. Ключи, которые текли из лесков и болотин, высохли. А потом пошла пахота. Пашут до самой воды. Смытая в речку земля забила, затянула все родники. Откуда же братья воде?..»

...Трактор, пахавший луг у Орлова, я встретил на другой день после встречи с енинским стариком и сразу пошел в село той самой улицей, по которой в детстве бегал к реке. Хотелось узнать: велика ли корысть от пахоты возле речки?

Директором Орловского совхоза оказался однофамилец мой – Песков Илья Николаевич. Я приготовился к драке. Но неожиданно ни директор, ни сидевший в конторе агроном Михаил Семенович Котов драться не захотели.

– Да, речку губим, – сказал агроном.

– Губим. И, главное, без толку губим, – сказал директор.

В разговоре прояснилась такая картина. Орловский совхоз решено было сделать овощеводческим: «Вы ближе к городу, у вас речка, ведите поливное хозяйство...» – «Мы возражали против распашки лугов (возражали, как видно, робко!). Но нас не послушали». В результате привезли в совхоз из Воронежа карту «овощного севооборота», где обозначено было, что осушить у реки, что распахать, где убрать остатки кустов.

Распахали по этому плану шестьдесят шесть гектаров приречных лугов.

– Наверное, большой урожай собираете?..

Вот точная запись директорского ответа:

– В 67-м году взяли с гектара по сто тридцать центнеров огурцов. В 68-м взяли столько же. А в 69-м – ноль. Ничего не взяли... Теперь эту землю даже и залужить вряд ли придется.

Вот он, печальный итог пахоты возле речки:

лугов, на которых, плохо ли, хорошо ли, кормилась скотина, теперь нет;
испорчены земли;

обезвожена речка (поливать пашню в пойме, как теперь выясняется, нечем – «мальчишки, дурачась, запрудят вверх ручеек, и все, воды у нас нет»);

и нет злополучных огурцов, ради которых составлялась в областном центре земельная карта, ради которых и теперь еще трактор продолжает распахать пойму.

Мне захотелось узнать, чьей же мудростью все это освящено. Директор достал из сейфа затейливо разрисованный ватман, и я прочитал: «Воронежская землеустроительная экспедиция. Начальник – Боженков, инженер – Ягодкин, начальник партии – Симонов».

– Скажите, Михаил Семенович, – спросил я совхозного агронома, – что это – неграмотность? Или дело в чем-то другом? «Устроителям земли» и вам лично разве не ясно было, чем кончается пахота берегов тут, на степной речке?

Ответом было молчание. Этим разговор и окончился. Бывают минуты, когда людям стыдно глядеть друг другу в глаза.

У села Горки мальчишки ловили раков. Таким было и мое детство...

Остаток пути по Усманке показал: там, где сохранился в пойме кустарник, где сберегли хотя бы малый лесок и земли не тронуты плугом, речка сразу же оживает. Получая сверху лишь малость воды, Усманка в этих местах живет «автономно». Появляются родниковые плесы, тростниковые заводи. Уже нельзя беспрепятственно проходить берегом – путь преграждают топкие луговины и ручейки. В таких местах вода наполняется жизнью. У села Горки первый раз за дорогу я спугнул стайку чибисов и встретил мужчину-удильщика. А

выйдя на лесной берег под Новой Усматью, не поверил глазам – большой ширины водная гладь сверкала под солнцем.

– Это что, озеро?

– Нет, это Усманка, – отозвался парень, чинивший лодку.

Таковыми же плесами река разливалась и у села Репного. Полоса леса и мокрый, заросший лозняком луг питали водой и хранили Усманку в этом месте. Я присел возле Репного на бережок. Десятка два лодок стояло тут на приколе. По воде расходились круги от рыб. Плесы казались бездонными. Чуть пожелтевший лес спускался к самой воде. От реки в чащу уходили поросшие ежевикой тропинки. Вот такой я помнил речку моего детства. Такой хотелось видеть ее во всем течении. Просто не верилось, что широкие плесы небрежением человека превращаются в жиденький, бегущий по пескам ключик.

И последняя дневниковая запись: «От Виневитинского кордона плыл до устья на лодке...»

Выбегая из бора, речка делает в травах у лозняка прощальный изгиб. И вот уже, поднявшись в лодке, я вижу воды другой реки. Сейчас Усманка с ними сольется. Рядом с лодкой плывут кленовые желтые листья, плывет оброненное птицей перо. Вода светлая, торопливая. Куст ивняка... И вот уже нет Усманки – лодка плывет по тихой реке с названием Воронеж.

У каждого из нас есть «своя речка». Не важно какая, большая Волга или малютка Усманка. Все ли мы понимаем, какое это сокровище – речка? И как оно уязвимо, это сокровище?! Можно заново построить разрушенный город. Можно посадить новый лес, выкопать пруд. Но живую речку, если она умирает, как всякий живой организм, сконструировать заново невозможно.

Последние годы во всем мире идет озабоченный разговор о воде. Вода становится одной из главных ценностей на земле. Но когда говорят: «Миссисипи мелеет» или: «Мелеет Дон», не все понимают, что корень проблемы лежит на берегах маленьких Усманок и даже безымянных речек и ручейков. Жизнь зародилась, осела и развивается около рек. Только-только пробившийся из земли ключик без пользы уже не течет. Но, кроме благ и радостей, отдаваемых всему живущему на ее берегах, речонка упорно несет свою воду в «общий котел», из которого пьют сегодня огромные города и крупные промышленные центры. И если какой-нибудь город начинает страдать от жажды, если мелеют большие реки, первую из причин этому надо искать там, где расположены «капилляры» водной системы – на малых речках.

Проверим это, к примеру, все той же Усманкой. Река эта – главный приток Воронежа. Воронеж – река немалая. На ней, как известно, родился российский флот, на ней вырос большой промышленный город. Но город вот уже несколько лет страдает от жажды. И скоро мы будем иметь, так сказать, еще одно «море». Плотины строятся исключительно для того, чтобы задержать воду, ибо река не в силах уже напоить промышленный город. Слов нет – город велик, воды надо много. Но, с другой стороны, и река, по которой когда-то шли на Азов корабли, основательно обмелела. А это следствие того, что главный ее приток и еще какие-то речки и ручейки недодают воду.

В чем я вижу смысл разговора об Усманке? В том, чтобы каждый из нас понял: рек незначительных нет! Надо беречь каждый ключик чистой воды. Это обращение «ко всем» мне кажется важным, потому что многие беды проистекают от наших незнаний, равнодушия и беспечности. Но было бы ошибкой ограничиться только «просветительством» и призывом: беречь! Судьба воды зависит главным образом от того, как мы хозяйствуем на берегах рек. Всякий соблазн рубить лес, «который поближе», соблазн находить «местную целину» для распашки в водоохранной зоне, осушать без большой на то надобности пойменные озера и

болотца до сей поры нужным образом не пресекался. А именно это требуется, чтобы сохранить на земле воду.

Реки, особенно малые, законом пока не поставлены в ряд важнейших государственных ценностей. На примере Усманки видно, как «устроитель земель» совершенно не считается с судьбой речки и не смотрит далее «сиюминутного огорода». Сейчас обсуждается проект основ водного законодательства. В этом чрезвычайной важности государственном акте из поля зрения не должна уйти судьба маленьких речек. Любого хозяйственника, как бы высоко он ни был поставлен, строгость закона должна лишить возможности нарушать несколько простых и всем ясных правил:

лес, кустарники и деревья в пойме реки, а также на водосборных массивах нельзя трогать ни в каком случае;

нельзя распахивать пойму;

все вершины оврагов, из которых в реки сносится грунт, должны быть заделаны;

мелиорация должна вестись разумно и нешаблонно, нельзя допускать борьбу против воды в тех местах, где как раз надо бороться за воду;

с помощью плотин, прочистки русел, строительства прудов и насаждений по берегам надо начать ремонтировать речки.

Продуманных мер и строгого глаза, следящего за исполнением закона, будет достаточно, чтобы сохранить и радость, которую нам дают текущие воды, и возможность в любую минуту утолить жажду. Ибо нет на земле напитка лучшего, чем стакан холодной чистой воды.

Фото автора. 29 ноября 1970 г.

Слушайте все...

Окно в природу

Идешь по лесу. Тихо. Кажется, ты для всех незаметен. И вдруг застрекотала сорока (или крикнула сойка). Это значит: тебя заметили, более того, о твоём появлении громко объявлено. С этой секунды все живое в лесу насторожилось, прислушалось. Сорока предупреждает своих подруг, но лес хорошо разбирается в звуках и знает, что можно мимо ушей пропустить, а к чему надо прислушаться.

Сорочий сигнал для нас хорошо заметен, мы часто видим последствия этого крика. Но и к другим звукам лес очень чуток. Однажды мне пришлось наблюдать двух оленей. Они мирно щипали траву. Близкий стук дятла внушал им спокойствие. Но вот дятел сверху заметил фотографа и с криком взлетел. От неожиданной перемены олени сразу же встрепнулись. Шорох бобра, грызущего дерево, – сигнал спокойствия для всех окружающих. Но стоит бобру нырнуть, ударить хвостом по воде – не только бобры, но все, кто имеет уши, знают: это опасность. Я видел однажды: почти под ногами у трех оленей прыгали зайцы. Пока олени спокойно паслись, зайцы были беспечны. Но стоило одному из оленей насторожиться, вытянуть шею – зайцы мгновенно шмыгнули в кусты.

Звери вполне различают внешне похожие звуки. Бредет по воде лось – лес знает: это лось, бояться не надо. Но пойдя тем же местом в болотных сапогах человек, все сразу поймут: надо укрыться. Даже в том же сорочьем крике жители леса различают оттенки: одно дело – опасность, другое дело – призыв на пир. Нашли, например, сороки падшего кабана. Лиса по крику птиц сразу поймет, куда ей надо спешить, чтобы успеть захватить свою долю.

Сложная система информации действует в жизни природы. Понимая значение звуков, можно предвидеть, как поведут себя те, кто их слышит. Неосторожного следопыта сигнализация выдает с головой, и он только дивится: куда все попряталось? Натуралист с опытом по лесным звукам может хорошо ориентироваться. Те же сороки и сойки часто могут указать следопыту, где притаился лось, где затеяли свадьбу зайцы или крадется лисица...

У леса чуткие уши.

Фото В. Пескова и из архива автора. 5 декабря 1970 г.

На службе

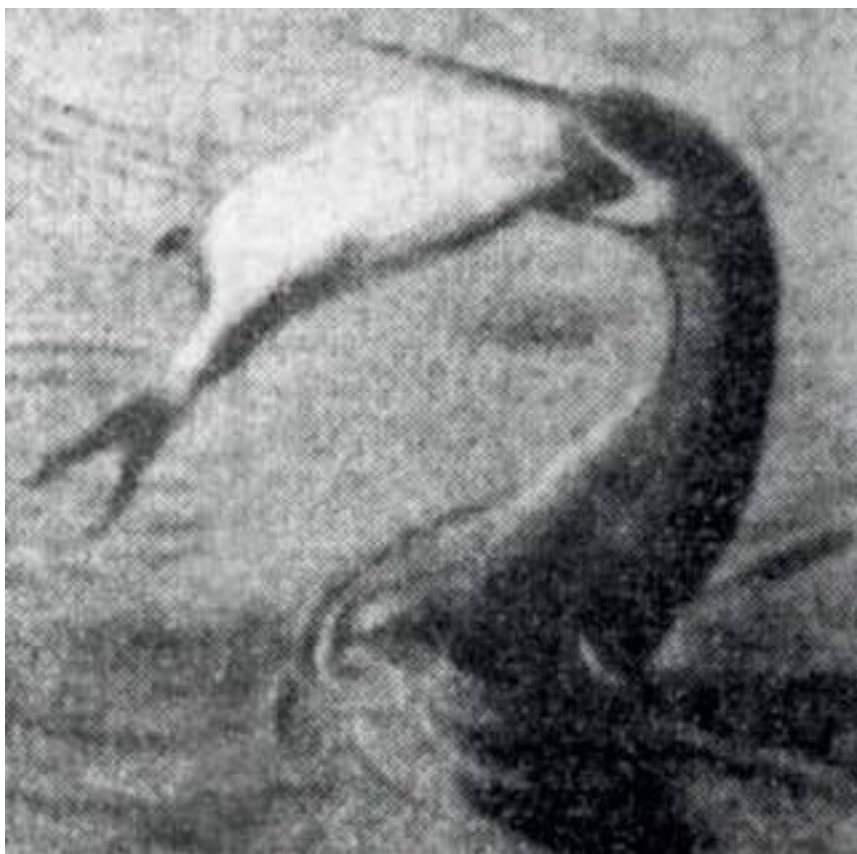
Окно в природу

Давайте вспомним, какие животные служат нам. Корова, лошадь, овца, собака, олень, верблюд, слон, осел, лама, домашние птицы. Из великого множества насекомых человеку удалось приручить только пчел.

Начался процесс приручения очень давно. Считают, что раньше всех служить человеку стали олень и собака, было это семнадцать-восемнадцать тысячелетий назад. Потом приручены овцы, козы и свиньи. И можно считать, не так уж давно – пять тысяч лет назад – одомашнен крупный рогатый скот.

Процесс приручения продолжается. Успешными были попытки сделать домашними лося и зебру. Но век моторов ослабил значение живой транспортной и тягловой силы. Лоси и зебры остались животными вольными. Но интерес к приручению диких животных совсем не исчез. Любопытно, что идет он в ногу с развитием человечества. Первобытным, одетым в шкуры аборигенам земли нужен был чуткий сторож и следопыт. Таким помощником стала собака. Охота, не очень надежно снабжавшая пищей и шкурами, заставила человека держать животных под постоянным контролем. Так развилось скотоводство. Силу животных, выносливость, способность быстро передвигаться человек сумел приспособить для своих нужд. Однажды, вскочив на хребет дикой лошади, человек уже не выпускал из рук ее гривы. И лошадь стала покорным и верным работником. Но заметьте, как мало теперь лошадей! Мотор оказался более выгодным. И только мера моторной мощности – «лошадиная сила» – навсегда сохранит в человеческой памяти прекрасное существо, тысячи лет служившее людям верой и правдой.

Сегодня человек нуждается в новых помощниках. В животном мире он ищет «соседей» по интеллекту, ищет более совершенные продолжения своим органам чувств. По этой причине так велик интерес в последние годы к дельфинам. И известны уже успехи в приручении этих животных.

Давно, почти две тысячи лет назад, была использована необычайная способность голубей хорошо ориентироваться на местности, помнить свой дом и быстро к нему добираться. Голубиную почту использовал римский полководец Д. Брут. Позже голубиная почта получила большое распространение. Телеграф, телефон, радио оказались более совершенными средствами связи, но и сегодня голубиная почта продолжает существовать. Репортеры японских газет, отправляясь по спешному делу, берут с собой голубей. Фотопленку в редакцию птицы доставляют гораздо скорее автомобилей и мотоциклов, зажатых потоком транспорта на дорогах.

Точное зрение голубя нашло применение и в промышленности. Тренированный голубь хорошо сортирует шарики для подшипников, бракует детали с малейшей погрешностью. Одно время всерьез говорили об этой птице как о важном звене в механизме точного наведения ракет.

В поисках пищевых ресурсов человек, как и в древние времена, предпринимает попытки приручить диких животных. И хотя возможности уже сильно исчерпаны, надежда все-таки есть. Так, например, в степи у Аскания-Нова приручаются большие африканские антилопы. У этих животных целебное, очень высокой жирности молоко. И антилопы уже подпускают к себе доярок.

Известно множество случаев, когда человек не стремится одомашнить диких животных, но успешно использует в своих целях способности и повадки зверей. Силой ума и опыта человек достигает поразительных результатов. В ГДР недавно я видел охоту с соколом. Птица, взлетая с руки человека, мгновенно настигает добычу. Но достается она человеку, а сокол получает только кусочек припасенного мяса. Таким же образом с орлами охотятся на волков и лисиц. В Африке я наблюдал охоту с гепардом. Этого беспримерного бегуна на повозке тихонько подвозят к стаду пасущихся антилоп и отпускают. В мгновение ока гепард настигает добычу, но достается добыча людям, а гепард получает только вознаграждение.

Существуют любопытные способы ловли крабов, рыбы и черепах с помощью прилипал. Всем известны небольшие океанские рыбы, в качестве непрошенных пассажиров путешествующие на акулах. Присоски у рыб действуют так безотказно, что, если на бичеве опустить прилипалу на дно, «живой крючок» быстро находит добычу и держит груз до пяти-шести килограммов.

На этих снимках мы видим еще один способ добычи рыбы. На лодке сидит человек с тренированной птицей бакланом. Птица эта – лучший из рыболовов. Чтобы рыба не попала баклану в желудок, на шею птице надевают кольцо, а чтобы баклан с добычей не мог улизнуть – держат его на веревочке. Такого рода рыбалка с древнейших времен известна в Китае. Ловят рыбу с бакланом и на озерах в Европе. Как ни быстра рыба, но проворный ныряльщик настигает ее. Добыча подчас бывает так велика, что баклан не способен ее проглотить, даже если кольца на шее у него нет. На озере под Берлином я наблюдал, как птица безуспешно старалась съесть пойманного леща...

Сегодня мы говорили о службе. Но есть у животных и человека еще и дружба, бескорыстная дружба.

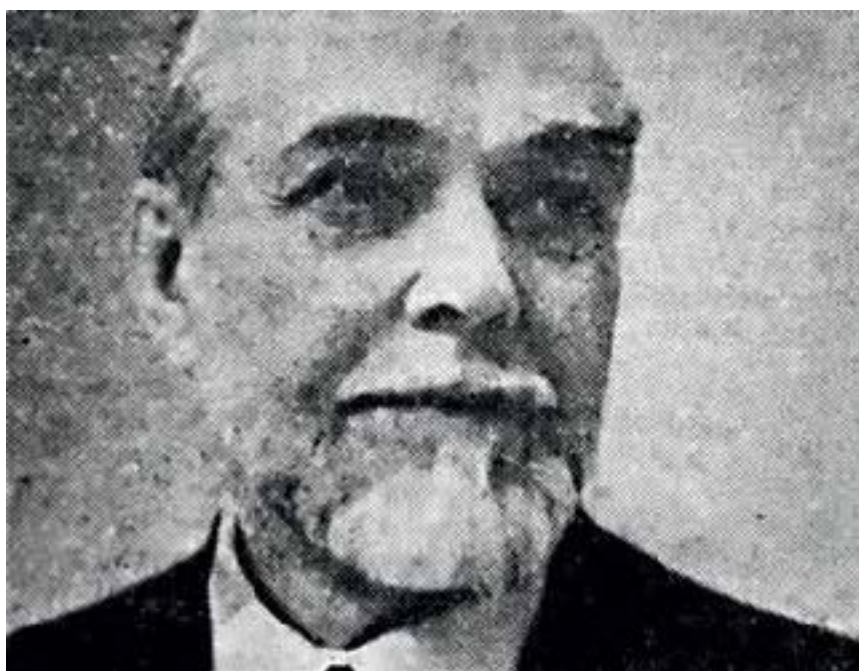
Фото из архива В. Пескова. 12 декабря 1970 г.

Праздник на Кузнецком мосту

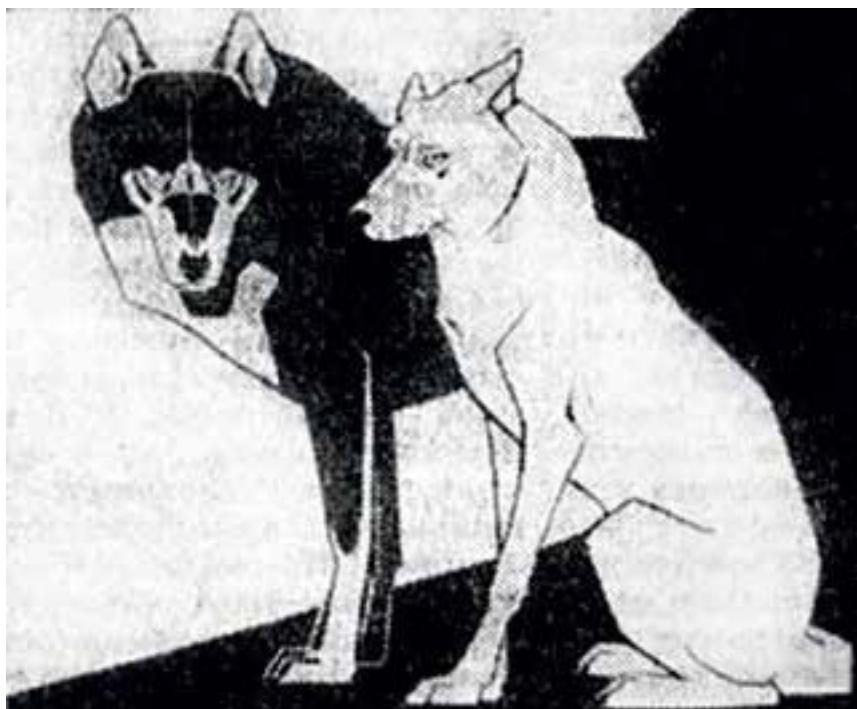
Окно в природу

На этот раз наше «Окно» открыто не в лес, а в залы на Кузнецком мосту, где вот уже три недели москвичи видят интересную выставку. Но традицию мы не меняем, как всегда, речь пойдет о природе. Мы глянем на нее глазами художника, всю жизнь посвятившего изображению животных. Таких художников называют **анималисты**. Это их руками сделаны картинки для детских книжек и для серьезных изданий по биологии. Это они рисуют увлекательные мультфильмы, лепят симпатичных зверят из глины и фарфора, пишут картины из жизни природы.

Среди этих художников есть очень славные имена. Недавно умер старейший из наших анималистов Василий Алексеевич Ватагин. У станции Пески под Москвой продолжает работать девяностодвухлетний мастер Алексей Никанорович Комаров. Сегодня мы познакомим вас с третьим старейшим художником, посвятившим себя природе. Зовут его Дмитрий Владимирович Горлов. Художнику семьдесят лет, и эта выставка – главная в его жизни. Из разных музеев, издательств, частных коллекций и прямо из мастерской собраны на выставку работы, о которых, возможно, и сам мастер уже позабыл. И получился радостный праздник для всех, кто приходит на выставку, и праздник для мастера, ибо очень важно в семьдесят лет убедиться: жизнь прожита хорошо.

В поисках главного дела в жизни молодой Дмитрий Горлов художником быть не хотел. «Инженер, даже слесарь... а рисовать и лепить – в свободное время». Дмитрий Горлов был сельским учителем, статистиком, наставником ребятишек во Дворце пионеров. Но все эти годы каждый свободный час он рисовал. И все рисунки посвящал одной теме: жизни животных. «В двадцать два года, рисуя волков, я вдруг понял, что звери меня не тронут, если я войду в клетку». Он вошел в клетку, и волки его не тронули. Это была молодость, когда хотелось все узнать, все испытать.

Но главному испытанию человек подвергал свой талант. Он хорошо понимал: без таланта жизнь в искусстве бессмысленна. И только когда способности молодого художника были признаны, он решился зарабатывать хлеб любимым делом.

Начало его работы – рисунки для детских книжек. Они собраны сейчас в зале. На чуть пожелтевших листах мы видим Лобо и Бланку – легендарных волков из рассказа Сетон-Томпсона, узнаем знакомых с детства героев «Лесной газеты» Бианки, в «тереме-теремке» видим мышку-норушку, лягушку-квакушку. Это не просто звери. Это характеры зверей. Не теряя принадлежности к миру природы, симпатичные существа чем-то очень близки нам, людям. Близость достигнута тонким пониманием мастером мира природы и мира человеческих чувств...

Главное впечатление, когда обходишь всю выставку: непрерывный поиск художника. Отложив краски и карандаш, Дмитрий Владимирович много лет искал в пластике выражения своих чувств, знаний и вкуса. И, пожалуй, тут лежит его главный успех. Для скульптурных медведей, волков, лошадей, лис, рысей, сов, зубров использован самый разнообразный материал. Бумага, глина, фарфор, дерево, бронза, резина – все под рукой у художника оживает, все служит достижению главной цели: не теряя биологической достоверности, с наибольшей полнотой подчеркнуть главное в облике зверя, главное свойство характера. И достигнуто это во всем: от детских игрушек и бытовых фигурок из глины до горельефов из бронзы к памятнику Крылова в Калининe. На выставке есть работы, получившие золотые медали в Брюсселе, есть работы, после которых художник получил звание старшего скульптора фарфоровой промышленности. Но мы видим: художник не успокоился, в семьдесят лет он, так же как в молодости, пробует, ищет – работы, только что доставленные из его мастерской, покоряют свежестью восприятия жизни. «Творчество – это муки, дающие счастье... Любимый мой материал – дерево, любимый зверь – волк, любимое состояние – работа, если отдых, то непременно в природе», – это несколько слов из прощального разговора с художником...

Что же дают нам все эти симпатичные умные волки, орлы, верблюды с безразлично философскими мордами, изящные жирафы, от старости умирающий лев, олени в настороженной позе? Я думал об этом, наблюдая посетителей в зале. Убежден: каждый из них ухо-

дил с выставки с ощущением радости. Жизнь только среди людей не дает человеку сознания полноты жизни. Человек должен чувствовать связь со всем, что живет вместе с ним на земле. Живые звуки, живые краски, необычные формы – все это дорого нам, как проявление жизни, частью которой мы сами являемся. Художник Горлов из мира природы извлек для нас главное, что может разбудить хорошие чувства. Спасибо ему! На выставке в книге для отзывов благодарность эта сказана множество раз. Вот одна характерная запись: «Когда видишь этих зверей – чувствуешь себя человеком».

Фото автора. 19 декабря 1970 г.

Время летит...

Окно в природу

В последние дни года всегда вздыхаешь: летит время...

Вчера, отбирая снимки для нашего с вами «Окна», я положил рядом две фотографии и вдруг зримо почувствовал, как летит время.

Тысячи лет люди завидовали птицам. Полет для человека был только мечтой. Время двигалось на колесах, и казалось: на веки вечные властелинами неба будут только птицы. Самолет Александра Можайского восемьдесят пять лет назад только на мгновение сумел оторвать четыре своих колеса от земли. Американцы братья Уилбур Райт и Орвил Райт в 1903 году 59 секунд продержались в воздухе на своей «этажерке» с мотором. И с того года время полетело на крыльях.

Кого сегодня удивит пролетающий самолет?! Птицы остались далеко позади. Человек летает быстрее, выше и дальше. И уже не только воздух, способный держать крыло, но и пространство, в котором мчится Земля, стало подвластным летающим людям. Уже на Луне есть следы человеческих ног, уже катается по лунному бездорожью удивительная тележка, уже парашюты с грузом, созданным на Земле, опускаются на Венере.

Но именно вылазки в космос отчетливо нам показали: лучшим домом в холодной Вселенной остается для человека Земля – маленький голубой шар, если глянуть на Землю со стороны. Все, кто Землю ненадолго покидал, улетали с непрямым условием: вернуться! И так будет всегда, сколько бы лучших миров ни сулили современные нам Жюли Верны. Для человека не может быть дома лучшего, чем Земля! Важно только, чтобы моторный рев

не заглушил окончательно звуки сверчков и пение жаворонков. И чтобы в небе человеческий глаз мог бы видеть не только белый след самолета, но и взмахи живого крыла. Это не праздная мысль. Быстро летящее время сильно меняет землю. Не так уж давно над маленьким городком вот так, по-домашнему, мог пролетать аист, и каждую осень люди слышали крик журавлей. Сегодня в Западной Европе аистов почти не осталось. В небе скорее увидишь строй самолетов, чем вереницу гусей. Парадокс: в Америке, чтобы сохранить остаток (несколько десятков) белых журавлей, за их перелетом следят специальные самолеты. Такова участь тех, у кого мы учились летать. Совсем недавно учились. 1903-й... 1970 год. Время одной человеческой жизни. Время, за которое аисты всего только 67 раз слетали на зимовку в Африку из Европы...

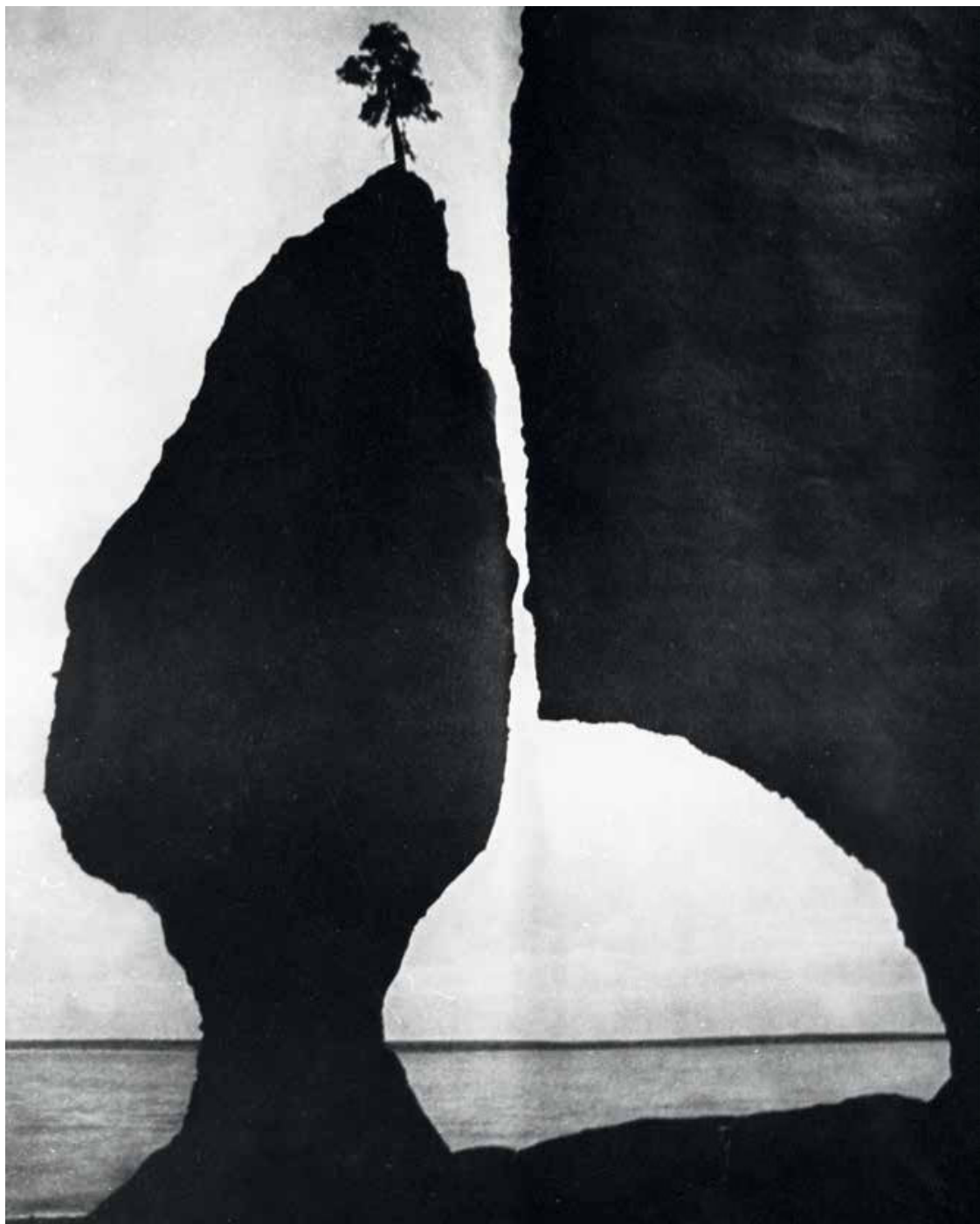
Фото из архива В. Пескова. 27 декабря 1970 г.

69

Образы

Окно в природу

Много лет я храню этот снимок, сделанный неизвестно кем и неизвестно где. Но есть на земле где-то эти причудливые скалы и самое главное (поглядите внимательно) – дерево на верхушке скалы! На самой вершине!

Можно предположить: дуют на этом каменном берегу жестокие ветры и льют дожди. От этого скалы с годами меняют форму. И тут, на самом юру, на самом верху – стебелек жизни! Гордое, суровое одиночество...

Упавший духом, глядя на эту твердость, на эту цепкую жажду жизни, должен распрямить плечи, а человек бодрый и сильный еще крепче поверит в торжество жизни. Такие глубокого смысла уроки дает нам природа в своих причудливых образах.

Фантазия природы неисчерпаема. Все тончайшие краски неба и цветов на лугах, все необычные формы камней, птиц, зверей, облаков и деревьев всегда питали воображение человека, давали толчок его творчеству, наполняли душу его радостью бытия. Вспомним полотно Рериха «Небесный бой». Ничего нет на этой картине, кроме встревоженных облаков. Но сколько глубокого смысла скрыто в клубящихся, подсвеченных розовым светом упругих парах воды!

Вспомним другую картину – «В голубом просторе» Рылова. Холодная синева, суровый холодный берег земли, кораблик с белыми парусами. Но главное – это сильные птицы в синем просторе. Сколько веры, вольности и надежды для человека в образе пролетающих лебедей! Или возьмем две лучшие нынешние песни: «Русское поле» и «Журавли». Сильные глубокие чувства о Родине, о жизни и о месте в ней человека выражены необычайно простыми и ясными образами. В одном случае это поле, в другом – косяк пролетающих журавлей.

Средства, которыми осуществляется связь сложного мира человеческих чувств и окружающей нас природы, очень различны: музыка, краски, точное слово, фотографический снимок. Или вот, например, рисунок канадской художницы-эскимоски Кеножуак, названный ею «Волшебная сова». Сова и вправду волшебная. Рисунок какой-то магической силой сообщает нам чувство радости, от рисунка трудно глаза отвести...

Мы говорим об образах, взятых для нас из природы художниками. Однако не будет самообманом сказать: художник живет в каждом из нас. Не всякий умеет выразить все, что чувствует, наблюдая природу, но каждый способен удивиться, обрадоваться, увидев, например, морозный рисунок на стеклах, сверкание солнца в снежинках, зубцы заиндевелога леса... Способность открывать в природе пусть небольшую тайну, пусть маленький уголок ее красоты – это способность пробуждать в душе своей радость и жадный интерес к жизни. В этом смысл наших общений с природой.

Фото из архива автора. 1 января 1971 г.

Благодарность

Окно в природу

Лет десять у меня в записной книжке хранится история, с которой и надо начать сегодня беседу.

Весной 1942 года немецкие самолеты нашли и забросали глубинными бомбами английскую подводную лодку. Когда бомбежка утихла, экипаж обнаружил: лодка обречена – руль и система подъема повреждены, связь на глубине не работала. Люди приготовились к медленной смерти. Но был один маленький шанс: на лодке держали двух голубей. Может быть, птицы помогут связаться с базой? Голубей поместили в спасательную капсулу, через торпедный аппарат выбросили наружу и стали ждать.

Памятник канадской казарке.

Остров Родос.

Помощь пришла на вторые сутки. Спасительницей оказалась голубка. В жестокий шторм птица пролетела над океаном несколько сот километров и принесла на базу координаты лодки. За этот подвиг голубка награждена высшей специальной военной наградой Великобритании. Птице поставлен памятник, она навечно зачислена в экипаж лодки.

В Антарктиде я записал другую историю. На японской станции «Сева» жили одиннадцать зимовщиков и пятнадцать ездовых собак. Пришло время сменить людей. Но ледокол, доставивший провиант и людей, потерпел бедствие. О высадке новой партии нечего было думать – снять хотя бы старых зимовщиков. Легкий вертолет два раза приземлился на базе.

Людей удалось вывезти. Но третий раз из-за шторма вертолет не поднялся. На базе остались приборы, имущество и, самое главное, на привязи остались собаки.

Когда об этом стало известно, в японской печати поднялась буря. Все осуждали полярников, требовали даже суда. Начался сбор средств на памятник собакам. 6 июля 1958 года в городе Осака был открыт мраморный памятник с надписью «Пятнадцати лайкам, погибшим от голода в Антарктиде».

Год спустя японцы вернулись на станцию «Сева». Радость и удивление! Навстречу вертолету, приветливо махая хвостами, бежало несколько лаек. Псы уцелели потому, что голод заставил их оборвать привязи, а пищей собакам служили пингвины. Ровно год лайки жили во льдах без людей...

Но эта наша беседа – не о преданности животных, а о чувстве благодарности человека живым существам. Животным люди воздвигли множество памятников. При этом в счет не идут многочисленные скульптуры лосей, оленей, медведей, тигров и львов, сооруженных возле дорог и домов украшения ради. Идет речь о памятниках за конкретные заслуги.

Наибольшую благодарность людей заслужили, конечно, собаки. Какую только работу не поручает им человек! Собака – сторож, собака – санитар на войне, собака – помощник пограничникам, криминалистам, охотникам, собака – в упряжке, собака – пожарник, поводырь у слепого, собаки помогают искать грибы, бороться с танками на войне, искать утечки газа на магистралях, собаки первыми из живых существ побывали в ракетах, на них испробованы операции с пересадкой сердца и бесчисленное множество других опытных операций.

Собака больше любого существа на земле заслужила нашу любовь. Вот история двух памятников собакам. Первый поставлен в 1935 году в поселке Колтуши под Ленинградом по настоянию академика Павлова. Изречение Павлова на пьедестале объясняет смысл необычного монумента: «Собака, благодаря ее давнему расположению к человеку, ее догадливости, терпению и послушанию, служит даже с заметной радостью многие годы, а иногда всю жизнь экспериментатору».

Памятник сенбернару Барри...

Монумент в Колтушах назван «Памятник неизвестной собаке». А вот в Париже поставлен памятник вполне конкретному сенбернару по кличке Барри. На пьедестале выбита надпись: «Доблестный Барри спас сорок человек от гибели. Во время спасения сорок первого – погиб». За этой надписью – драматическая история.

Сенбернары – это собаки-горноспасатели. Во время снежных обвалов они ищут людей. На спине большой и сильной собаки приторочены средства первой помощи: одеяло, продукты, бутылка вина. Если собака не в силах раскопать пострадавшего, она мчится в селение и там зовет на помощь людей. Таким образом Барри спас сорок человек. Сорок первый, обнаруженный под завалом, не подавал признаков жизни. Собака раскопала его и, согревая дыханием, стала лизать человека в лицо. Пострадавший очнулся, открыл глаза, но испугался собаки, вытащил револьвер и выстрелил... История сенбернара взволновала весь мир. Такова история парижского памятника.

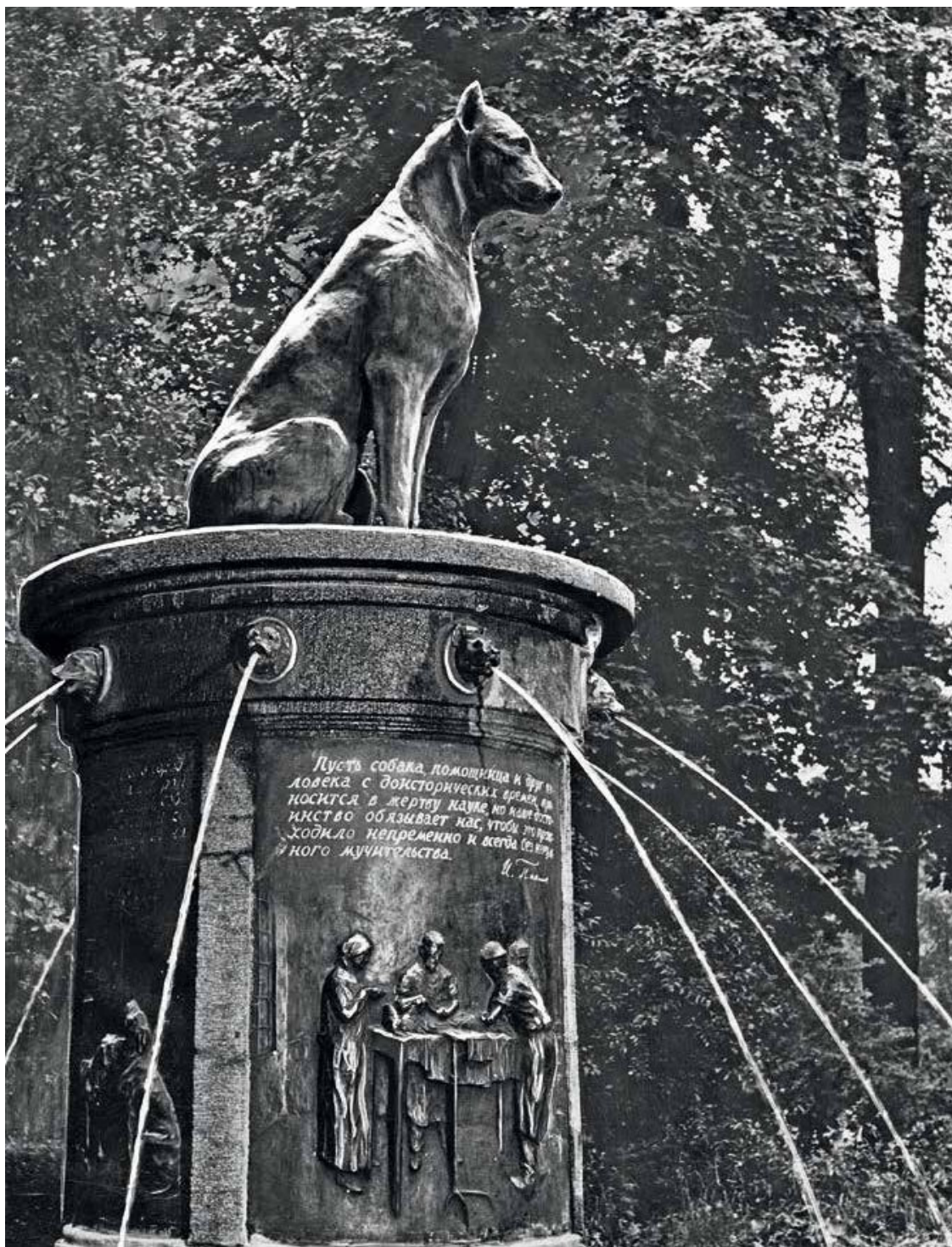
Памятники животным воздвигались по самым различным причинам. В Англии и Германии стоят памятники «Последнему убитому волку». Монументы умному хищнику – не торжество победителей, а скорее всего, сожаление, что природа с исчезновением волка стала скучней и бедней. У нас, в Сумской области (у села Кулешовки), есть монумент в честь находки кладбища мамонтов. Это единственный в мире знак в честь вымерших великанов.

А есть на земле памятники существам незаметным и крошечным. В Австралии, когда зашел разговор о причинах больших строгостей по ввозу на континент живых организмов, мне рассказали случай, когда бедой стране угрожал опрометчиво привезенный из Аргентины кактус из рода опунция. Австралия так полюбила эту колючку, что она с фантастической быстротой стала вытеснять все растения. Война с кактусом обошлась в огромные суммы, но успеха не принесла. Тогда кто-то вспомнил о насекомом – вредителе кактусов. Три миллиарда яиц неврзачного насекомого (кактобластиса) были посеяны в нужных местах. И все. Кактусы были съедены. В знак благодарности в австралийском штате Квинсленд спасителю земли – насекомому сооружен монумент.

... повторяли потом даже на каминных часах.

Земледельцы Америки (штата Алабама) возвели памятник хлопковому долгоносику. История монумента курьезна, но поучительна. Алабамцы всегда сеяли хлопок и ничего не хотели знать, кроме хлопка, хотя специалисты не раз говорили об опасности монокультуры. И вдруг несколько лет кряду посевы хлопка подвергались нашествию долгоносика. Почесав в затылке, фермеры взялись выращивать кукурузу, картофель, земляные орехи. Дела поправились в первый же год. Как говорится, нет худа без добра. Долгоносик оказался хорошим наставником земледельцев. Ему в городке Энтерпрайз и поставили монумент.

Памятник, поставленный собаке по настоянию академика Павлова.

Есть в Америке памятник воробью, уничтожителю гусениц. В немецком городке Мюнстер стоит памятник петуху, воздвигнутый в честь эпизода средневековой давности. Четыреста лет назад осажденный, умиравший от голода город на крепостную стену выпустил петуха. Петух был единственный в крепости. Но неприятель решил, что в городе много припасов, и снял осаду.

На наших снимках рядом с собакой, увековеченной Павловым, вы видите монументы оленей. Оленям воздана честь за истребление змей на острове Родос в Греции. Памятник

канадской казарке стоит на шоссе, соединяющем два канадских берега. Этот стальной монумент объясняет любовь канадцев к распространенной на их земле птице.

Многочисленные памятники животным и истории, с ними связанные, показывают, как тесны отношения человека с окружающим его миром природы.

Фото из архива В. Пескова. 10 января 1971 г.

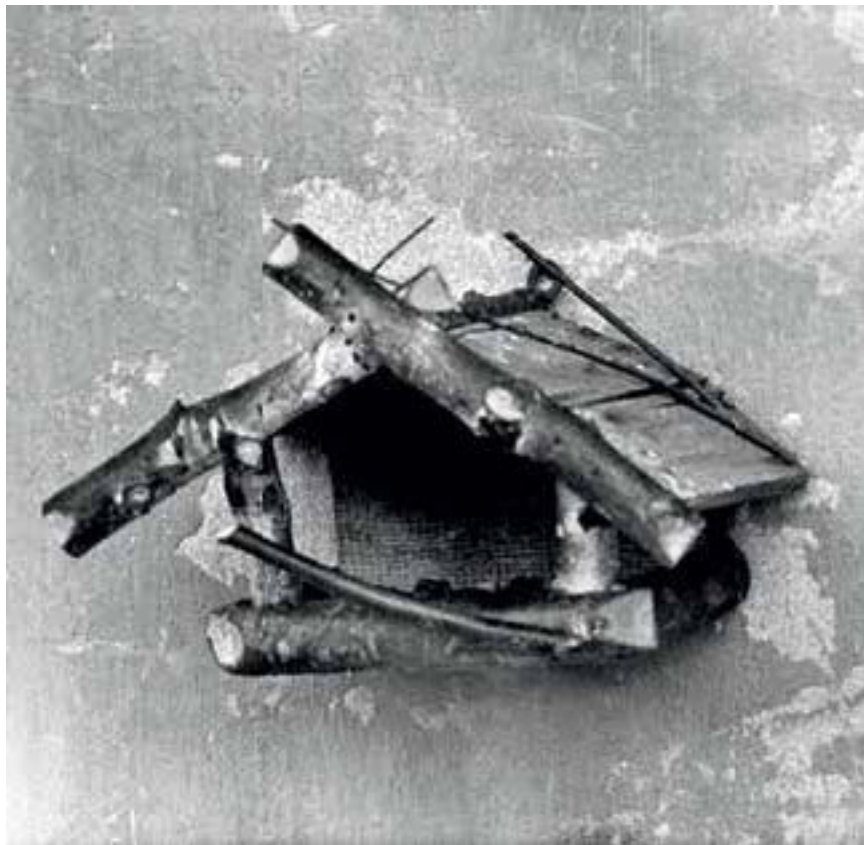
Горсть зерен

Окно в природу

Вам приходилось просыпаться от птичьего стука в окно? Это очень приятное пробуждение. Открываешь глаза и, если стекло не затянато снежным узором, видишь черную голову, белые щеки и черные бусинки глаз. Синица уже на ногах, удары клювом в стекло означают: пора завтракать, пора открыть форточку и посыпать на подоконник горсть семечек...

С первым снегом, с наступлением холодов к нашим домам из рощ и лесов тянутся птицы. Влекут их в деревни, на лесные кордоны и в города стужа и голод. Около человека легче пережить суровое время. По этой причине сорок, синиц, свиристелей, дятлов и снегирей мы видим вблизи жилья чаще всего зимой.

В Москве каждый год зимует несколько стай свиристелей. К этим красивым птицам в лесу подойти почти невозможно. А в городе птицы становятся необычайно доверчивы. Я наблюдал однажды, как свиристели кормились рябиной прямо над головами людей, ожидавших автобуса.

Но свиристели – редкие птицы. Из лесных гостей, прилетающих к нам прокормиться, чаще всего мы видим синиц. В поисках корма возле домов они входят в компанию с воробьями, но от серых, вороватых, недоверчивых птиц отличаются редкой смелостью и доверием к человеку. Аккуратно давая корм, можно легко приучить синицу залетать в сени, садиться на руку. Лет пятнадцать назад, когда холодильники были редкостью и продукты вешали за окно в сумках-авоськах, еду промышляли «синицы-авосечники». Они быстро научились разрывать клювом пакеты и добывать из авосек все, что хотели. Рассказывают, в Англии синицы наловчились вскрывать бутылки. Поставит разносчик у двери бутылку со сливками, а синица только того и ждет. Птицы быстро узнали: под мягкой фольговой крышечкой – вкусное лакомство. Два-три удара клювом – и можно пить сливки. А недавно ученый из сибирского Академгородка рассказал забавное происшествие. Осенью из пробирок стали исчезать мухи, припасенные для важного опыта. Кто их ворует? Оказалось – синицы! Выдернут ватную пробку и тут же в лаборатории пообедают.

Такой же смелостью отличается поползень. А если дом ваш стоит от леса недалеко, ждите в гости и дятла.

Горсть семечек ежедневно, крошки еды со стола – и дюжина птиц с вашей помощью легко доживет до весны. Побуждая к этой маленькой жертве, обычно принято говорить о пользе, какую птицы приносят летом нашему лесу, саду и огороду. Польза действительно велика. Считают: две пары синиц, поселившись в саду, спасают его от вредителей. Но дело не только в житейской выгоде. Птицы возле окошка – это посланцы большого мира Природы, с которым мы связаны множеством нитей. Они доверчиво прилетели к самому сильному существу на земле, и мы должны быть достойны доверия. Кроме того, для людей любознательных подкормка птиц – это возможность понаблюдать за их поведением и повадками.

Несколько самых простых советов. Для корма годятся самые разные семена. Но легче всего добыть зерна подсолнуха. Если зерна слегка раздавить, птицы это быстро оценят. Пшено сыпать не следует. Лишившись шелухи, просяное зерно лишилось и витаминов.

Сыпьте в кормушку просо. Хлебные крошки лучше сыпать сухими. Многие птицы (особенно в холод) любому корму предпочтут сало. Но помните: сало не должно быть соленым. Для птицы соль – яд!

Как строить столовую? Тут много зависит от вашей фантазии. Главное: корм должен быть доступным для птиц и недоступным для снега.

Недавно, путешествуя в ГДР, я сделал снимки кормушек возле домов и дорог. Вот несколько образцов. Обратите внимание на крайнюю справа. Своими руками кормушку сделал знаменитый зоолог Альфред Брем. Всемирно известные книги о жизни животных Брем писал, наблюдая в окно суетню птиц у кормушки. Сто лет стоит на дубовом столбе птичий домик. Он очень прост. Сделайте такой же у себя под окном.

Не огорчайтесь, если не в первый день вашу столовую обнаружат. Важно одной какой-нибудь птице увидеть корм. Хорошая новость будет лететь на крыльях. В их непонятном для нас языке есть четкая фраза: «Тут корм, летите сюда!»

Для птиц сейчас наступает суровое время. Спешите сделать доброе дело!

Фото автора. 17 января 1971 г.

Все ли открыто?

Окно в природу

На земле обитает бесчисленное количество живых существ. Но все ли открыто? Все ли изведено человеком? Нет, не все. Каждый год зоологи вносят в список сотни неизвестных доселе животных. Но, как правило, это очень мелкие существа, чаще всего насекомые, интересные только ученым-специалистам. Профессор Андрей Григорьевич Банников во время недавнего путешествия в Африку обнаружил неизвестную разновидность ящерицы гекона. Профессор назвал ее в честь своего друга немецкого зоолога – гекон Гржимека.

Профессор Гржимек в прошлом году был гостем нашей редакции. На вопрос: «А есть ли шансы открыть на земле крупных неизвестных доселе животных?» – Гржимек сказал: «Надежды немного, разве что океан принесет нам сюрпризы». Это мнение неутомимого путешественника и авторитетного ученого. Однако еще не все в природе «пронумеровано» и «разложено по полкам». Сюрпризы время от времени случаются. Несколько любопытных примеров.

В 1900 году, когда всем казалось, что открывать уже нечего, в Африке обнаружилось таинственно-неуловимое существо, «похожее на осла и на зебру». Настойчивый поиск дал результаты, и было открыто древнейшее из животных, прародитель африканских жираф – окапи. Сегодня окапи можно увидеть в нескольких зоопарках мира. В природе его снимали, ловили и наблюдали. Встречи с ним очень редки, но сенсации уже нет. Окапи занял свое место в зоологическом списке.

В Африке на солонце Тритопс я наблюдал и сумел сфотографировать лесного черного кабана. Этот огромный родственник домашней свиньи встречается редко и не был известен науке до 1904 года.

Сенсацией полувека сделался дракон с индонезийского острова Комодо. Считалось, что такой величины древние ящеры вымерли очень давно. И вдруг в 1912 году гигантский варан был обнаружен вполне процветающим и к вымиранию вовсе не склонным.

Осенью 1963 года несколько часов я наблюдал и снимал варанов-«драконов» в Австралии, куда их прислали в качестве дара покойного ныне президента Сукарно. Два темно-бурых чудовища, длиной примерно три метра каждый, лежали на солнышке и слегка шевелили чешуйчатыми хвостами. Они были очень похожи на ящериц, но во много раз увеличенных. Варанам кинули мясо, и они набросились на него, отрывая куски острыми, как бритва, зубами. Раздвоенный, оранжево-красный язык одного из драконов беспрестанно пульсировал, исследовал землю около корма. Позже на кинокадрах я видел, как у себя дома, на острове Комодо, вараны идут по следу, как мощным хвостом сбивают добычу с ног и как жадно рвут ее, не очень страшась людей, наблюдающих из укрытия. По заключению ученых, современные нам вараны почти ничем не отличаются от ящеров, живших в Австралии и прилежащих к ней островах шестьдесят миллионов лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.